

ДАНИЭЛА СТИЛ

Неожиданный
роман

Даниэла Стил Неожиданный роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122988

Даниэла Стил. Неожиданный роман: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-38350-4

Оригинал: DanielleSteel, "The House on Hope Street"

Перевод:

Владимир А. Гришечкин

Аннотация

Счастье Лиз распалось в одно мгновение. Роковой выстрел оборвал жизнь любимого мужа. Невосполнимость утраты и нелепая жестокость случая почти сломили молодую женщину. Но неожиданно Лиз встречает Дика Вебера – убежденного холостяка, чей девиз – свобода и одиночество. Что обещает эта встреча, что готовит им судьба...

Книга также выходила под названием «Мой нежный ангел».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Даниэла Стил

Неожиданный роман

Моим друзьям Виктории, Джо, Кэти и Шарлотте, которые помогли мне пройти сквозь многие трудности, а также моим замечательным детям – Беатрикс, Тревору, Тодду, Нику, Саманте, Виктории, Ванессе, Макс и Заре, – которые неизменно дарили мне надежду и наполняли мою жизнь радостью... С любовью и благодарностью – Д. С.

Глава 1

С Аmandой Паркер – невысокой хрупкой блондинкой, обладательницей больших темных глаз – Джек и Лиз Сазерленд встретились утром накануне Рождества. Погода стояла ясная и солнечная, обычная для этого времени в округе Марин к северу от Сан-Франциско. Но Аманду, похоже, не радовали ни тепло, ни солнечный свет. Лиз даже показалось, что бедняжка смертельно напугана. Во всяком случае, в том, что их клиентка просто места себе не находит от беспокойства, не могло быть никаких сомнений. Лицо ее было бледным, а руки не знали покоя. Аманде предстоял развод, и хотя Джек и Лиз всегда считались хорошей адвокатской командой, дело миссис Паркер затянулось почти на год и только теперь вступило в завершающую стадию.

Свою юридическую практику Джек и Лиз открыли восемнадцать лет назад, сразу после того как поженились, и с тех пор добились значительных успехов. Работать вместе им нравилось. Неудивительно, что с годами они достигли полного взаимопонимания. Правда, они совершенно по-разному подходили к ведению дел, однако в конечном итоге это стало сильной стороной их адвокатского тандема. Скорее подсознательно, чем обдуманно, Джек и Лиз с самого начала использовали в своей практике хорошо известный прием «добрый полицейский – злой полицейский», который прекрасно срабатывал даже в самых сложных ситуациях.

«Добрый полицейским» была, разумеется, Лиз; Джек же предпочитал иную стратегию. Он действовал агрессивно, напористо, азартно атаковал оппонентов и вел себя в суде как лев, сражаясь за интересы клиента до тех пор, пока окончательно не загонял противников в угол. После этого им уже не оставалось иного выбора, кроме как согласиться на все выдвинутые Джеком условия. Лиз, как правило, действовала мягко, рассудительно и спокойно; она чаще взывала к логике и умело обращала внимание суда на частности, которые совершенно неожиданно оказывались значимыми и важными. Лиз умело играла с этими подробностями и деталями, делая основной упор на психологическую подоплеку дела. Надо сказать, что за счет этого ей часто удавалось изменить ход разбирательства в пользу своего клиента. Особенно придирчива и внимательна Лиз становилась, если при разводе могли пострадать интересы детей. В подобных случаях она готова была стоять насмерть, хотя внешне это никак не проявлялось – Лиз оставалась все такой же спокойной и говорила так же негромко, и только в глазах ее вспыхивал упрямый огонек.

Временами Лиз и Джеку самим бывало нелегко прийти к соглашению по тому или иному конкретному случаю. Так получилось и с делом Аманды Паркер. Несмотря на то что муж постоянно изменял Аманде, унижал ее и даже опускался до рукоприкладства, Лиз казалось, что меры, которые предлагал Джек, были, пожалуй, чересчур жесткими даже для такого отпетого мерзавца, каким был Филипп Паркер. Они поспорили по этому поводу еще до того, как Аманда приехала к ним в офис.

– Ты в своем уме? – раздраженно бросил Джек. – Во-первых, у этого подонка по меньшей мере три любовницы, которых он полностью содержит, и это при том, что изменять Аманде он начал больше десяти лет назад. Мистер Паркер скрывает свои источники доходов, отказывается содержать собственных детей и жену – и после этого хочет, чтобы развод не стоил ему ни гроша?! А ты еще предлагаешь отпустить его за здорово живешь! Может, нам вообще извиниться перед ним за то, что мы понапрасну его беспокоим?!

Когда Джек начинал подобным образом горячиться, Лиз знала, что в нем берет верх боевой ирландский характер. Сама-то она была куда больше похожа на ирландку и производила впечатление натуры взрывной, импульсивной, вспыльчивой, ошеломляя убийственным сочетанием огненно-рыжих волос и ярко-зеленых глаз. На самом деле характер у нее

был спокойный и уравновешенный, не то что у Джека. Хотя его большие темно-карие глаза и совершенно седые волосы (он внезапно поседел, когда ему исполнилось тридцать) придавали Джеку вид солидный и респектабельный. Что ж, внешность часто бывает обманчивой, и сейчас Джек смотрел на жену чуть ли не с угрозой, и все же Лиз нисколько его не боялась. Они действительно часто и горячо спорили, но большинство окружающих – как в судебном присутствии, так и за его пределами – прекрасно знали, что на самом деле Джек и Лиз души друг в друге не чают. Другой такой крепкий и счастливый брак надо еще поискать. Их семейной жизни завидовали все без исключения. У Лиз и Джека было пятеро детей, которых они обожали. Четверо старших унаследовали цвет глаз и рыжие волосы матери, и только младший сын был темноволосым, как когда-то Джек.

– Я вовсе не считаю, что Филипп Паркер не заслуживает наказания, – терпеливо возразила Лиз. – Просто я боюсь, что, если мы прижмем его как следует, а суд нас поддержит, Паркер сорвет злобу на Аманде.

– А я тебе говорю – он заслужил, чтобы его проучили; и как раз если мы этого не сделаем, он будет и дальше терроризировать ее! – заявил Джек. – Таких типов, как он, надо бить по самому больному месту, по их кошельку. Нельзя допустить, чтобы он отделался легким испугом, и ты отлично это понимаешь!

– Да, конечно, но, если судья арестует его счета, бизнес будет парализован. Это же колоссальные убытки! Филипп Паркер не такой человек, чтобы отнестись к этому спокойно. Уж он отыщет виноватого. Как ты думаешь, кто им окажется?

В том, что говорила Лиз, был свой резон, но жесткая, агрессивная тактика, которой предпочитал придерживаться Джек, уже не раз приносила желаемый результат. С помощью таких мер удавалось добиваться огромных алиментов и гигантских отступных. Джек не собирался менять что-либо только потому, что на этот раз его оппонент был отъявленным негодяем. Наоборот, неприязнь к Филиппу Паркеру только лишний раз подталкивала к использованию всех дозволенных законом средств, чтобы добиться развода на самых выгодных для Аманды условиях. Джек не зря пользовался репутацией не только жесткого, но и весьма квалифицированного адвоката по семейным делам. Судьба Филиппа Паркера не особенно его беспокоила. Джек полагал – и совершенно справедливо, – что человек, у которого на счете в банке лежит три миллиона долларов и который владеет процветающим предприятием по производству компьютеров, должен ответить за то, что его жена и трое детей с трудом сводят концы с концами, живя почти что впроголодь. С тех пор как Аманда ушла от Филиппа, муж-миллионер не давал ей ничего, кроме каких-то жалких крох, на которые нельзя было прокормить и кошку. Это было тем более возмутительно, что на своих любовниц он денег не жалел. А для себя буквально накануне процесса он приобрел новенький спортивный «Порше». Аманда же не могла позволить себе купить сыну на день рождения простенький скейтборд.

– Я уверен, этот подонок будет вертеться как уж, когда мы навалимся на него в суде. Но, можешь мне поверить, за дверь он выскочит голеньким – это я тебе обещаю!

– Я не сомневаюсь, Джек, ты сумеешь добиться своего. Я боюсь другого – если ты обдерешь его как липку, он может отомстить Аманде. Ты же помнишь, он даже бил ее...

Этот вариант по-настоящему пугал Лиз. По рассказам Аманды она знала, под каким сильным психологическим давлением несчастная женщина жила на протяжении последних десяти лет. Дважды муж жестоко избивал ее. Она каждый раз уходила от него, однако лестью, уговорами и шантажом Филиппу удавалось вернуть супругу, и все начиналось сначала. Как бы там ни было, Лиз твердо знала, что Аманда смертельно боится мужа, и для этого у нее есть все основания.

– Если понадобится, мы можем взять запретительный судебный приказ, – уверил Джек. – В этом случае он ничего не сможет. Одно слово, одна угроза, одно враждебное дей-

ствие или хотя бы попытка совершить таковое – и он оглянуться не успеет, как окажется за решеткой.

Лиз хотела возразить, что Аманде, против которой будет направлено это враждебное действие, может быть, несколько не легче от того, что ее муж потом окажется в тюрьме, но не успела. В кабинет вошла сама Аманда, и Джек принялся объяснять ей, что и как будет происходить сегодня на судебном заседании. Его план состоял в том, чтобы заморозить все авуары Филиппа Паркера, о которых им было известно, и, парализовав таким образом его бизнес, вынудить выдать суду полную информацию о денежных средствах и недвижимом имуществе, которым он владел. Всем трем было совершенно очевидно, что Филиппу Паркеру это вряд ли понравится. Слушая Джека, Лиз только качала головой. Аманда, бледная как снег, и вовсе сидела ни жива ни мертва.

– Нельзя ли как-нибудь обойтись без... без этого? – промолвила она наконец и покосилась на Лиз, ища у нее поддержки. Напористая манера Джека всегда немного пугала Аманду, и Лиз ободряюще ей улыбнулась. Впрочем, улыбка получилась натянутой, поскольку Джеку так и не удалось окончательно убедить Лиз в правильности выбранной тактики. Обычно она полностью доверяла мужу, однако сегодня его решимость действовать жестко и беспощадно смущала ее. Впрочем, Лиз хорошо знала, что никто из адвокатов не умел биться за клиента так, как Джек Сазерленд, в особенности если его клиент был страдающей стороной. В данном случае Джек как раз считал, что Аманда имеет право на полную компенсацию. Лиз не могла с ним не согласиться, но ей не особенно нравился способ, который Джек избрал для достижения своей цели. Зная, что представляет собой Филипп Паркер, она считала небезопасным загонять его в угол, ведь, как известно, даже заяц, оказавшись в безвыходном положении, способен броситься на охотника. А Филипп Паркер своими повадками скорее походил на крысу, которая в таких случаях опасна вдвойне.

Джек объяснял Аманде свою стратегию в течение еще примерно получаса, после чего они втроем отправились в суд.

Когда они приехали, Филипп Паркер и его адвокат были уже на месте. Муж Аманды посмотрел на свою супругу с напускным безразличием, но минуту спустя внимательно наблюдавшая за ним Лиз перехватила такой взгляд, от которого ее пробрала дрожь. О, это было весьма и весьма красноречивое свидетельство того, что Филипп Паркер желал напомнить Аманде – он был и остается хозяином положения, *ее* хозяином, полновластным и безраздельным владыкой. Впрочем, вся его манера держаться была направлена на то, чтобы запугать, унижить, подчинить себе несчастную женщину.

Но Лиз не успела даже как следует осмыслить все это, как вдруг Филипп Паркер ласково улыбнулся Аманде – явно для того, чтобы еще больше сбить ее с толку. Это был умный ход. Каждый, кто видел эту теплую, почти любящую улыбку, несомненно, решил бы, что исполненный ненависти и угрозы взгляд ему просто почудился. Так подумал бы любой, но только не Аманда. Лиз, право, затруднилась бы сказать, что напугало ее клиентку сильнее: злобный взгляд Паркера или его же ласковая улыбка. Аманда пришла в ужас, руки ее тряслись, в глазах стояли слезы. Суд совещался, а она наклонилась к Лиз и сказала шепотом:

– Если судья наложит арест на его предприятие, Фил меня убьет! Честное слово – убьет!

– Вы имеете в виду – буквально? – так же шепотом переспросила Лиз, озадаченная ее состоянием.

Аманда замялась.

– Н-нет, что вы... – пробормотала она наконец. – Но он, безусловно, будет зол как черт! Завтра он должен заехать ко мне за детьми. Я просто не знаю, что ему сказать!

– Вы вообще не должны разговаривать с ним, – твердо заявила Лиз. – Может быть, кто-то другой может отвезти ему детей?

Аманда беспомощно покачала головой. У нее был такой пугающий вид, что Лиз повернулась к мужу и шепнула:

– Не нажимай. Не стоит перегибать палку...

Джек, перебиравший на столе какие-то бумаги, рассеянно кивнул и, подняв голову, улыбнулся сначала Лиз, потом Аманде. «Я знаю, что делаю» – вот что говорила эта улыбка, и Лиз поняла, что Джек настроен решительно. Похоже, он твердо решил не ограничиваться полумерами и добиться полной победы над своим оппонентом.

Все вышло, как он хотел. Выслушав его тщательно продуманное и аргументированное выступление, судья принял решение наложить тридцатидневный арест на банковские счета Филиппа Паркера и приостановить деятельность его компаний до тех пор, пока он не представит всю информацию, необходимую адвокатам его жены для уточнения условий развода. Адвокат Паркера, вскочив, принялся горячо возражать против подобных мер, но судья несколько раз ударил молотком по столу и объявил о конце судебного заседания.

Бросив злобный взгляд на свою супругу, Филипп Паркер пулей вылетел из зала заседаний. За ним последовал его адвокат.

Джек не торопясь собирал бумаги, и на лице его играла победная улыбка.

– Отличная работа, – спокойно произнесла Лиз, хотя на самом деле тревога не оставляла ее. И для этого имелись серьезные причины. Аманда была близка к обмороку. Губы у нее тряслись так, что она не могла вымолвить ни слова. Лиз пришлось взять ее под руку.

– Не волнуйся, – сказала она, как только все трое вышли в коридор. – Джек прав: мы должны заставить его считаться с тобой.

И это было правдой. С точки зрения стратегии и тактики ведения судебных заседаний Джек действовал безупречно. Но, увы, грозящая их клиентке опасность от этого не становилась меньше. Лиз попыталась найти выход из создавшегося положения.

– Может, ты пригласишь кого-то к себе на время, когда твой муж приедет забирать детей? – спросила она. – На мой взгляд, тебе лучше не встречаться с ним с глазу на глаз.

– Утром ко мне приедет сестра с дочерьми. – Аманда была сама не своя.

– Вот и отлично, – кивнул Джек. – Филипп Паркер, каким бы грозным он ни казался, не посмеет сказать вам ни слова при посторонних. Поверьте, он не настолько глуп, чтобы оскорблять кого-то в присутствии свидетелей.

«Все это верно, – подумала Лиз. – Верно, но только в теории». Филипп Паркер не привык отказывать себе ни в чем, как бы он не потерял контроль над собой в такой ситуации. Прежде Аманда не позволяла Джеку и Лиз оказывать на него слишком сильное давление, приходя в отчаяние от любых предложенных ими ограничительных мер. Но в последние несколько месяцев она была избавлена от общества своего буйного супруга и сумела взять себя в руки. Аманда поняла, что должна добиваться свободы и финансовой независимости. Для нее это был крайне важный шаг. Аманда все равно безумно боялась Паркера, но надеялась, что когда-нибудь в будущем она перестанет дрожать от страха и будет гордиться этим своим поступком. Поначалу ужас перед Филиппом, который можно было назвать чуть ли не мистическим, почти полностью парализовывал ее волю. Лишь благодаря усилиям Сазерлендов она продолжала бороться за свои права и права своих детей.

Иногда Джек пугал ее своей бескомпромиссной напористостью, однако Аманда полностью доверяла ему и выполняла все, что он говорил, с максимальной точностью. Так было и сегодня. Результат превзошел все ее самые смелые ожидания. Аманда даже удивилась тому, с каким сочувствием отнесся к ней судья.

– Одно это говорит о многом, – сказал ей Джек, когда они втроем возвращались в контору. – Вы все сделали правильно, и судье захотелось вам помочь, а это можно было сделать, только заморозив счета бывшего мужа. Ну а когда бизнес парализован, неизбежны убытки.

Ему просто некуда деваться. Вот увидите, не пройдет и двух недель, как он передаст суду информацию, которую мы затребовали уже несколько месяцев назад.

– Я понимаю, что вы, вероятно, правы, – вздохнула Аманда и улыбнулась. – Просто мне не хотелось бы злить мужа еще больше. Без этого, конечно, не обойтись, но я знаю Фила: если задеть его за живое, он превращается в настоящее чудовище.

– Я тоже вполне способен превратиться в чудовище, и тогда кое-кому очень не поздоровится, – серьезно сказал Джек, и Лиз рассмеялась.

Потом они стали прощаться.

– Счастливого Рождества. Вот увидите, для вас оно будет действительно счастливым, – сказала Лиз. – Ну а следующее Рождество вы будете встречать свободной и независимой!

Лиз действительно верила, что так и будет. Они с Джеком очень хотели добиться для Аманды достойной компенсации, чтобы после многолетних страданий она и дети могли жить в покое и достатке. По мнению Лиз, Аманда заслуживала этого ничуть не меньше, чем любовницы Филиппа Паркера, которые припеваючи жили за его счет в оплаченных им квартирах. Одной из них он даже купил небольшой домик на курорте в Аспене, в то время как у его жены не было денег, чтобы сводить его собственных детей в кино. Джек терпеть не мог таких мужчин – в особенности если за их безответственное поведение приходилось расплачиваться детям.

– У вас есть наш домашний телефон? – на всякий случай уточнила Лиз, и Аманда кивнула. Похоже, она немного успокоилась. Конечно, на нее произвело большое впечатление благоприятное решение суда. Теперь самое страшное казалось позади или почти позади.

– Позвоните, если мы вдруг вам понадобится, – добавила Лиз. – А если Филипп явится к вам или начнет звонить и угрожать – вызывайте Службу спасения. И сразу же свяжитесь с нами, хорошо? Мы сумеем найти на него управу!..

«Возможно, – тут же подумала она, – я просто перестраховываюсь, но лишний раз напомнить Аманде об опасности не помешает».

Аманда, поблагодарив Лиз за заботу, ушла.

Джек снял пиджак и галстук и, кинув их на спинку стула, улыбнулся жене:

– Знаешь, я доволен, что нам удалось разбить этого мерзавца в пух и прах. Теперь он никуда не денется: какие бы условия мы ни выставили, ему придется согласиться. Вот увидишь – Филипп Паркер ничего не сможет сделать!

– Он может напугать Аманду до полусмерти, – напомнила Лиз.

– Ну что ж, я этого не исключаю, – согласился Джек. – Но в конечном итоге она все же получит вполне приличные алименты и отступные. И это тот минимум, которого она и ее дети, безусловно, заслуживают. Кстати, мне показалось, дорогая, что Аманду запугивает один из адвокатов. А? Скажи на милость, зачем ты наговорила ей этих ужасов про Службу спасения? По-моему, это лишнее. Филипп Паркер, конечно, порядочная скотина, но он же не сумасшедший.

– Я считаю, что обязана была это сделать, – возразила Лиз. – Угрожать Аманде по телефону вполне в его характере, а одного его появления возле дома будет вполне достаточно, чтобы она в панике натворила глупостей. Ведь мы же не хотим этого, не так ли?

Джек прищурился.

– Чего именно мы не хотим?

– Не хотим, чтобы он довел ее до того, чтобы она отказалась от иска.

– Ну, дорогая, я уверен, что этого не будет. Я просто не позволю Аманде совершить что-либо подобное. Ей-богу, незачем было напоминать ей про девятьсот одиннадцать – бедняжка может вообразить себе невесть что!

– Перестань. У нее все-таки есть голова на плечах. А про Службу спасения я напомнила ей просто для того, чтобы Аманда знала: она не одна и ей обязательно помогут – стоит

только позвать. В конце концов, Джек, ты же сам отлично знаешь – женщинам, подвергшимся жестокому обращению, очень важно не чувствовать себя одинокими. Аманда, безусловно, умная, но после всего, что она пережила... Я сомневаюсь, что ей хватит душевных сил послать Паркера куда подальше. Так поступили бы на ее месте большинство самостоятельных, трезвомыслящих женщин. Аманда пока еще жертва; у нее психология жертвы. Ты не можешь этого не понимать!

– Зато ты, моя дорогая женушка, адвокат не только на работе, но и в жизни, и я ужасно тебя люблю! – заявил Джек и, шагнув к Лиз, крепко обнял ее за плечи. Время близилось к часу пополудни, и они собирались закрыть контору на рождественские каникулы. У них было пятеро детей, и можно было не сомневаться, что праздники будут счастливыми, хотя и хлопотными. Лиз, впрочем, обожала своих рыжиков, поэтому, при всей своей любви к работе, офис она покидала без сожаления. Джек, во всяком случае, совершенно точно знал, что, как только Лиз окажется дома, она будет думать только о нем и о детях и ни о чем другом, и это ему очень нравилось.

– Я тоже люблю тебя, Джек Сазерленд, – ответила Лиз и улыбнулась, когда он поцеловал ее. На работе они обычно избегали нежностей в общении друг с другом, но сегодня, в конце концов, был канун Рождества, и никаких других дел они больше не планировали.

Потом Лиз убрала в сейф свои папки с документами, а Джек засунул в кейс несколько новых дел. Полчаса спустя они разъехались каждый в своем автомобиле: Лиз отправилась домой, чтобы подготовиться к встрече Рождества, а Джек помчался в центр города, чтобы купить подарки и кое-какие необходимые мелочи. Он всегда оттягивал поход по магазинам до последней минуты. Лиз, конечно, приобрела подарки мужу и детям еще в ноябре. Она вообще отличалась отменной организованностью. Это было совершенно необходимым качеством для человека, который вынужден одновременно делать карьеру и управляться со столь многочисленным семейством. Впрочем, если бы не няня Кэрол, работавшая у них уже четырнадцать лет, Лиз вряд ли бы сумела успевать и там и там. Кэрол была из мормонской семьи и обладала завидным трудолюбием и аккуратностью. У Лиз ни разу не нашлось повода обвинить ее в забывчивости или небрежности, хотя, когда они наняли Кэрол, ей было всего двадцать три года. Порой Лиз даже ревновала детей к няне. В особенности девятилетнего Джеми, который был любимцем Кэрол.

Уезжая, Джек пообещал вернуться домой в пять или в половине шестого вечера. Ему еще предстояло собрать велосипед, который он купил Джеми. Лиз заранее знала, что Джек провозится с этим делом несколько часов, а потом будет в спешке завертывать в серебристую бумагу подарки, которые приготовил для нее. Так повторялось из года в год, но, несмотря на это, сочельник в их семье всегда проходил как следует. В семье, где Джек и Лиз выросли, строго соблюдались традиции. Поженившись, они сумели сохранить их. Торжественный и трогательный общесемейный ритуал превращал Рождество в тот праздник, который любили и они сами, и их дети.

Лиз очень быстро добралась до Тибурона, где семья Сазерленд жила уже несколько лет. Сворачивая на Хоуп-стрит, Лиз невольно улыбнулась. Джек любил лишний раз произнести это название, очень уж ему нравилось жить на улице Надежды. На подъездной дорожке стояла машина Кэрол. Няня только что вернулась из города, куда возила за покупками дочерей Лиз, и теперь девочки выгружали из багажника бесчисленные свертки и сверточка. Четырнадцатилетняя Меган была стройной, грациозной и гибкой; тринадцатилетняя Энни, наоборот, – невысокой и коренастенькой, но зато она была больше похожа на мать. Что касалось Рэчел, которой недавно исполнилось одиннадцать, то, несмотря на рыжие волосы и зеленые глаза, совсем как у Лиз, чертами лица она походила на Джека. Все три были веселого нрава и прекрасно ладили между собой. Вот и сейчас, судя по их оживленной жестикуляции,

они были в отличном настроении. Когда Лиз подъехала, девочки дружно повернулись в ее сторону и заулыбались еще шире.

– Что это вы задумали, хотела бы я знать? – поинтересовалась Лиз, подходя к дочерям и обнимая Энни и Рэчел за плечи. Внезапно она прищурилась и поглядела на Меган. – Кстати, это не мой любимый черный джемпер? – спросила она. – Опять ты его схватила? Сколько раз я тебе говорила: ты мне его растянешь, ведь ты уже намного больше меня!

– Я не виновата, мамочка, что ты у нас такая плоскогрудая! – парировала Меган, усмехаясь. Сестры нередко заимствовали наряды у матери и друг у друга. Как водится, чаще всего это делалось без разрешения, а то и без ведома владельца. Подобная практика была едва ли не единственной причиной для внутрисемейных разногласий. Впрочем, Лиз большой проблемы в этом не видела. А если честно, то, глядя на дочерей, спорящих из-за ее свитера, джинсов или блузки, она часто думала о том, что у них с Джеком все-таки замечательные дети.

– А где мальчики? – спросила Лиз, входя в дом вслед за дочками. По дороге она обнаружила, что Энни надела ее любимые туфли, но говорить что-либо по этому поводу было скорее всего бесполезно. Похоже, они были просто обречены иметь общий гардероб. В большой семье, наверное, иначе и быть не могло, сколько бы вещей Лиз ни покупала своим дочерям.

– Питер опять пошел к Джессике, а Джеми сидит у друзей, – сообщила Кэрол.

Джессика была новой девушкой Питера. Она жила совсем рядом, в Бельведере, и Питер проводил у нее времени едва ли не больше, чем дома.

– Я собиралась забрать Джеми через полчаса, – добавила Кэрол. – Но, может быть, вы хотите заехать за ним сами?

Четырнадцать лет назад Кэрол была прелестной миниатюрной блондинкой; за прошедшие годы она слегка расплнела, но даже теперь, в тридцать семь, она все еще была хороша собой. Ее удивительно теплое отношение к детям дополнилось крепкой, искренней привязанностью и к их родителям. Кэрол всегда готова была помочь Лиз и Джеку, и ее роль в воспитании молодого поколения Сазерлендов трудно было переоценить.

– Вообще-то после обеда я собиралась испечь печенье, – сказала Лиз, ставя на пол сумку и снимая жакет. – Так что съезди за Джеми сама, хорошо?

Кэрол кивнула, и Лиз отправилась на кухню. В первую очередь она просмотрела почту, лежавшую на кухонном столе, но не обнаружила ничего важного. Убрав конверты в специальную корзину, Лиз повернулась к окну, из которого открывалась очень живописная панорама залива, на противоположном берегу которого высились небоскребы и башни Сан-Франциско. Вид из окна был не единственным достоинством их дома. Домик и сам по себе был очень мил. Здесь царил уют, и хотя в последнее время большой семье стало тесновато в двухэтажном особнячке, Лиз и Джек пока не задумывались о том, чтобы переехать в более просторное жилище. Дети любили их старый дом, и поэтому на семейном совете решено было не торопиться. Правда, девочки росли, но Питер вскоре должен был отправиться в колледж, так что в запасе у них было еще годика три-четыре.

– Кто хочет печь со мной печенье? – спросила Лиз, но, обернувшись через плечо, обнаружила, что обращается к пустой комнате. Кэрол ушла в гараж, а девочки поспешили подняться наверх, чтобы успеть занять телефон. У них в доме было две телефонные линии, однако их постоянно не хватало, поскольку не только сестры, но и Питер способны были висеть на трубке часами. Сама Лиз уже давно пользовалась сотовым телефоном, поскольку к обычному аппарату по вечерам было не прорваться.

Лиз как раз раскатала тесто и начала нарезать из него печенье с помощью подаренного Джеком набора специальных рождественских формочек, когда в кухню вернулась Кэрол. Она собиралась ехать за Джеми, и Лиз сразу подумала о том, что младший сын будет рад помочь ей справиться с домашними делами. Больше всего Джеми любил помогать матери,

когда она что-то готовила, поэтому когда через четверть часа Кэрол привезла его домой, мальчуган вскрикнул от радости, увидев, чем занята Лиз.

Первым делом он запустил руку в миску с тестом и, отщипнув кусочек, с удовольствием съел.

– Можно я тебе помогу, мам? – спросил он, глядя на нее нежными темно-карими глазами. Джемми был прелестным ребенком – темноволосым, пропорционально сложенным, с тонкими чертами лица и улыбкой, от которой сердце Лиз неизменно таяло. В семье Джемми был всеобщим любимцем, и Лиз знала, что он еще долго останется для нее малышом.

– Конечно, можно, только сначала вымой руки, – сказала она. – Кстати, где ты был?

– У Тимми, – ответил Джемми, вытирая мокрые руки полотенцем.

– Ну и как?

– Они не празднуют Рождество! – сообщил Джемми, и его темные глаза слегка расширились от удивления. – Почему, мам?

Он вывалил остатки теста на разделочную доску и принялся раскатывать его.

– Потому что Тимми и его родители – евреи, – ответила Лиз. – Или иудеи, если уж быть точной. Иудаизм – это такая религия.

– Но зато у них все время горят свечи, и они уже целую неделю ходят друг к другу в гости и дарят подарки. Почему мы не евреи, мам?

– Думаю, нам просто немного не повезло, – сказала Лиз с улыбкой. – Но уверяю тебя: ты тоже будешь доволен своими подарками.

– Я просил Санта-Клауса принести мне велосипед, – с надеждой сказал Джемми. – Я написал ему, что Питер научит меня кататься.

– Я помню, милый, – кивнула Лиз. Она сама помогала Джемми писать это письмо. Все письма, которые ее дети когда-то писали Санта-Клаусу, она собирала и хранила в нижнем ящике комода под постельным бельем. Иногда, когда у нее выдавалась свободная минутка и дома никого не было, Лиз доставала их и с удовольствием перечитывала. Это были просто удивительные письма – наивные, чистые, исполненные трогательной детской веры в волшебство, а письма Джемми – те и вовсе были особенными.

Почувствовав ее улыбку, Джемми поднял голову и улыбнулся в ответ. Их глаза на несколько мгновений встретились, и сердце Лиз сладко заныло от переполнявшей его любви.

Джемми был особенно дорог ей – пожалуй, даже дороже остальных, хотя говорить так было бы, наверное, нехорошо.

Дело было даже не в том, что Джемми был ее последним, младшим ребенком, которого она родила относительно поздно – в тридцать два, а в том, что он был не такой, как все. Джемми появился на свет намного раньше положенного срока, перенес серьезную родовую травму, связанную с неправильным положением плода. К этому добавились последствия кислородной терапии, которую врачи применили, чтобы спасти ему жизнь. Он мог ослепнуть, но обошлось. Правда, вскоре выяснилось, что Джемми страдает задержкой умственного развития – не то чтобы очень сильной, но все-таки отличавшей его от нормальных сверстников. Это, впрочем, не мешало ему неплохо успевать по всем предметам, преподававшимся в специальной школе, в которую он ходил уже четвертый год, и быть внимательным, ответственным, общительным и любящим. И хотя Лиз знала, что Джемми никогда не станет таким, как его брат и сестры, в последнее время она даже забывала об этом.

Поначалу известие о том, что ее сын будет умственно неполноценным, повергло Лиз в шок. Она считала себя виноватой в том, что случилось. Во время беременности она много и напряженно работала, провела подряд три очень сложных процесса. Это не могло не сказаться на ее общем состоянии. Но тогда Лиз не думала об этом. Первых четырех детей она произвела на свет без всяких осложнений и полагала, что с пятым будет так же. Лиз не обратила внимания на некоторые особенности, которые с самого начала отличали эту беремен-

ность от других, объясняя их тем, что стала старше. Между тем беременность протекала значительно тяжелее других; Лиз быстро утомлялась, а токсикоз не прекращался почти до самого конца или, точнее, до того момента, когда – без всякой видимой причины, на два с половиной месяца раньше срока – у нее вдруг начались схватки, которые врачам так и не удалось остановить. Джеми появился на свет через десять минут после того, как Лиз доставили в больницу. Для ребенка роды чуть не обернулись катастрофой. Казалось, что младенец обречен, но после нескольких недель в специальной кислородной камере-инкубаторе им наконец разрешили забрать ребенка домой. Это было похоже на чудо. Нет, это было самым настоящим чудом – крошечный попискивающий комочек в подвесной колыбельке у окна.

Джеми оказался одарен редкостной способностью любить, вернее – отвечать на любовь; прошло сколько-то времени, и Лиз обнаружила, что, несмотря на замедленные темпы умственного развития, ее младший сын обладает и какой-то своей особой глубинной мудростью. Он был самым добрым, самым ласковым и нежным из всех ее детей, а его чувство юмора – несмотря на заметную ограниченность знаний и умений, которые ставятся едва ли не превыше всего некоторыми родителями, – поражало буквально всех, кому случалось общаться с Джеми.

Поначалу Лиз старалась не думать об отставании сына от сверстников, и со временем она совершенно искренне перестала замечать, что с ним что-то не так. Семья научилась любить Джеми таким, каким он стал. Все радовались его успехам и достижениям, и никому из них и в голову не приходило жалеть о том, чего он не мог и никогда не сможет.

Джеми был очень красивым ребенком. Куда бы он ни пошел, на него всюду обращали внимание, однако простота и прямота его слов и поступков подчас сильно смущали окружающих. Когда же они понимали, что Джеми не такой, как другие, они принимались жалеть и его, и его родителей. С последним Лиз хотя бы из вежливости еще могла как-то мириться, но жалости к сыну она не выносила совершенно. Каждый раз, когда Лиз слышала: «Бедняжка! Как мне его жаль!», она отвечала: «Не жалейте Джеми. Он отличный ребенок, и у него замечательное сердце, которое вмещает весь мир. Он любит всех, и все любят его, так что жалеть надо не его, а нас!» И действительно, самым большим утешением для нее было то, что Джеми почти постоянно был весел и счастлив.

– Ты забыла потереть шоколад, – напомнил Джеми. Печенье с шоколадной глазурью было его любимым.

– Я хотела сделать рождественское печенье с красной и зеленой карамельной крошкой, – сказала она. – Как ты на это смотришь?

Джеми ненадолго задумался, потом кивнул в знак одобрения.

– А можно мне сыпать карамель на печенье, когда оно будет готово?

– Конечно, милый. – Лиз вручила ему противень, на котором лежали печенье в форме рождественской елки, и шейкер, в который засыпала красные карамельные стружки. Джеми тут же принялся за работу, а когда закончил, на подходе была уже вторая порция печенья. Так они трудились вдвоем, пока тесто не закончилось. Тогда Лиз поставила противни в духовку и, выпрямившись, вытерла покрытый испариной лоб.

– Ну вот и замечательно, – сказала она и посмотрела на сына. Джеми выглядел озабоченным, и Лиз спросила:

– Тебя что-то тревожит?

– Да, – немедленно ответил мальчик. – Вдруг он не принесет его?

– Кто?!

– Санта-Клаус... – Джеми грустно посмотрел на нее.

– Ты имеешь в виду велосипед? – Лиз слегка пожала плечами и отвернулась, стараясь скрыть невольную улыбку. – Не понимаю, почему нет?.. Ты очень хорошо вел себя весь этот год и получал хорошие оценки в школе, а ведь именно это ты обещал Санта-Клаусу в письме,

не так ли? Готова спорить, у тебя непременно появится велосипед, потому что Санта-Клаус очень любит послушных мальчиков.

Большого Лиз сказать не могла – ей не хотелось портить ему удовольствие, но и смотреть, как Джеми терзается, ей было невыносимо.

– Может быть, Санта думает – я не знаю, как на нем ездить?

– Ну, Санта-Клаус не может так думать. Он знает, что еще ни один человек не родился на свет, умея кататься на велике. Этому, как и многому другому, надо учиться, и ты тоже научишься. Кроме того, ты же написал Санта-Клаусу, что тебе обещал помочь Питер.

– Думаешь, Санта поверит?

– Я в этом не сомневаюсь. А теперь, может быть, ты пойдешь поиграешь или посмотришь, чем занята Кэрол? Я непременно позову тебя, когда печенье будет готово, и мы устроим де-гус-та-ци-ю. – Последнее слово она произнесла по слогам. В разговоре с Джеми Лиз часто употребляла сложные слова, а потом объясняла ему их значение. Эта домашняя педагогика тоже приносила свои результаты. Джеми просиял, услышав, что дегустация – это когда специальный человек первым пробует то, что предназначено для всех. Забыв про Санта-Клауса, он помчался наверх, чтобы попросить Кэрол почитать ему вслух. Сам он читать пока не научился, но обожал слушать сказки и истории про Робин Гуда.

Лиз тем временем отправилась в чулан, чтобы достать спрятанные подарки и положить под елку. Когда печенье было готово, она позвала Джеми, но мальчик так увлекся, слушая чтение Кэрол, что не захотел снова спускаться в кухню, и Лиз самой пришлось раскладывать его по специальным плетеным корзиночкам, которые Джек привез из Новой Англии. Расставив корзинки на столе, Лиз поднялась наверх, в спальню, чтобы завернуть в подарочную нарядную бумагу переплетенное в кожу собрание сочинений Чосера, которое она купила Джеку. Все остальное было давно приготовлено и перевязано ленточками, и только книги, которые попались ей совсем недавно, Лиз не успела красиво упаковать.

Остаток дня пролетел стремительно. Лиз оглянуться не успела, как наступил вечер и домой вернулись Питер и Джек.

Питер опередил отца всего на несколько минут. Он выглядел веселым и оживленным и, войдя в кухню, первым делом стащил из корзиночки несколько печений-елочек. Запив их пепси-колой, Питер спросил, можно ли ему снова пойти к Джессике после ужина.

– Может быть, пусть лучше она приедет к нам? Хотя бы для разнообразия? – спросила Лиз почти жалобно. В последнее время она почти не видела Питера – он был то в школе, то на тренировке или, как сегодня, торчал у Джессики Смит. Порой Лиз казалось, что с тех пор, как Питер получил водительские права, домой он возвращался, только чтобы ночевать.

– Родители никуда не отпустят ее в сочельник, – сказал Питер.

– Но ведь сочельник не только у них, но и у нас! – напомнила Лиз, но тут в кухню вернулся Джеми. Задумчиво хрустнув печеньем, он с обожанием поглядел на старшего брата, который был его кумиром и которому он старался подражать во всем.

– А родители Тимми не празднуют Рождество, потому что они евреи, – сообщил он, и Питер дружески взъерошил ему волосы.

– Отличное печенье, – заметил Питер, хватая еще пригоршню из другой корзиночки.

– Я помогал маме его печь, – сообщил Джеми, показывая пальчиком на печенье, исчезавшее во рту старшего брата.

– Вы молодцы!.. – одобрил Питер и повернулся к матери: – Джесс не еврейка и не сможет никуда пойти вечером, – сказал он. – Почему мне нельзя к ней?

– Потому что ты тоже не еврей, – сказала Лиз сухо. – И у нас принято праздновать Рождество вместе.

– Но мне будет здесь скучно! – взвыл Питер.

– Спасибо за откровенность, – усмехнулась Лиз. – И все-таки ты должен остаться дома и помочь мне и отцу доделать все дела, – твердо закончила она.

– Ты можешь помочь мне почистить несколько морковок для северного оленя Санта-Клауса, – торжественно сказал Джеми. Они с Питером проделывали это каждый год, и Джеми был бы разочарован, если бы брат куда-то ушел. Питер тоже знал это, поэтому неохотно кивнул.

– Но, может быть, я могу пойти к Джесс после того, как Джеми ляжет спать? – спросил Питер, и Лиз не нашла в себе сил отказать ему.

– Хорошо, – сдалась она. – Только постарайся вернуться не слишком поздно. Не позднее завтрашнего утра, о'кей?

– Вернусь к одиннадцати. Обещаю.

В этот момент появился Джек. Он вошел в кухню усталый, но торжествующий, и Лиз сразу поняла – он сумел купить им именно такие подарки, какие хотел.

– Привет всем, с наступающим Рождеством! – сказал он и, схватив Джеми в объятия, подбросил под самый потолок. – Чем вы сегодня занимались, молодой человек? Надеюсь, к приезду Санта-Клауса все готово?

– Мама и я испекли для него целую гору печенья. И еще Питер обещал мне почистить морковку для его северного оленя.

– Ум-м, как вкусно!.. – Джек в свою очередь похитил со стола несколько печений. Проглотив два, он поцеловал Лиз. – А что у нас на ужин, кроме печенья и моркови?

– Окорок. Печеный окорок, – ответила Лиз. Окорок Кэрол еще утром запекла в духовке, так что его оставалось только разогреть. Что касалось гарнира, то Лиз собиралась приготовить для всех сладкий картофель с корнем алтея и черные бобы с подливой. На завтра – в полном соответствии с рождественской традицией – у них была припасена огромная индейка, для которой Джек обещал приготовить свою «фирменную» начинку.

Джек налил себе бокал вина и отправился в гостиную. Лиз и Джеми последовали за ним, а Питер поднялся наверх, чтобы позвонить Джессике и сказать, что заедет к ней после ужина. Сделать это оказалось непросто. Даже в гостиной были слышны возмущенные вопли Меган, у которой Питер чуть ли не силой вырвал телефонную трубку.

– Ну-ка потише, вы, там!.. – крикнул Джек и, откинувшись на спинку дивана, втянул ноздрями пахнущий свежей хвоей воздух. На елке горели разноцветные лампочки, а из колонок проигрывателя доносились негромкие звуки рождественских гимнов. Джеми, усевшись между матерью и отцом, вполголоса вторил незамысловатым мелодиям, а Джек и Лиз болтали о всяких пустяках.

Вскоре Джеми ушел наверх – взглянуть, что поделявают Питер и Кэрол, и Лиз придвинулась к Джеку ближе.

– Он волнуется из-за велосипеда, – шепотом сказала Лиз мужу, и он улыбнулся. Они оба знали, как ждал этого подарка Джеми и как счастлив он будет, когда наконец получит его.

– Джеми все время спрашивает меня о нем – боится, как бы Санта-Клаус не передумал.

– Мы соберем его, как только Джеми заснет, – так же шепотом ответил Джек и, наклонившись в ее сторону, поцеловал Лиз в щеку. – Кстати, давно ли я говорил вам, миссис Сазерленд, что вы очень красивы?

– Давно. Уже почти два дня я этого не слышала, – ответила Лиз с улыбкой. Несмотря на то что они были женаты уже много лет и дома их почти постоянно окружали дети, Лиз и Джек часто вели себя как влюбленные юноша и девушка, какими они были когда-то. Они вместе ходили ужинать в рестораны, выезжали на загородные прогулки, Джек покупал Лиз цветы и конфеты, которые она очень любила. Должно быть, именно благодаря этому в их отношениях все еще сохранялась изрядная доля романтики, что редко бывает, когда супруги прожили вместе много лет и к тому же общались не только дома, но и на работе. Каким-то

чудом им удалось не надоест друг другу до смерти. Лиз была бесконечно благодарна Джеку за те усилия, которые он предпринимал, стараясь поддерживать их отношения в прежнем романтическом русле.

– Знаешь, – сказала она, доверительно склоняя голову ему на плечо, – пока мы с Джеми пеки печенье, я все время думала об Аманде Паркер. Надеюсь, после сегодняшних слушаний муж не причинит ей вреда. Я ему не доверяю и почему-то даже немного боюсь его.

– Нечего тут бояться, – несколько сердито отвечал Джек. – Я сомневаюсь, чтобы ему хватило пороку угрожать *нам*. Аманда – дело другое, да и то... Сейчас, мне кажется, ему совсем не до нее. И вообще, Лиз, пора бы тебе научиться оставлять работу на работе, – добавил он насмешливо и поднялся, чтобы налить себе еще вина. Вид у него при этом был такой, словно сам-то он *никогда* не думал дома о делах. Лиз не сдержалась и фыркнула:

– Послушайте, Мистер Я-Знаю-Как-Надо, не ваш ли кейс с делами стоит в коридоре или мне померещилось?

Джек рассмеялся:

– Я просто ношу эти бумаги с собой, но это не значит, что я постоянно о них думаю.

– Так я тебе и поверила!

Они еще немного поболтали, и Лиз отправилась готовить ужин. В этот вечер они застелились за столом дольше обычного – разговаривали с детьми, шутили и смеялись над разными забавными случаями. Джеми тоже внес свою лепту в общее веселье, напомнив, как в прошлом году к ним на Рождество приезжала бабушка – мать Лиз. Она настояла, чтобы они все вместе отправились к полуночной мессе, однако в церкви ее сморил сон, и все семейство развлекалось, слушая ее довольно громкий храп. Лиз невольно подумала, как хорошо, что в этом году ее мать решила осчастливить своим присутствием собственного брата. Всем им приходилось нелегко, когда она приезжала, но тяжелее всего было в праздники. Бабушка учила всех и каждого, что им нужно делать и как. К тому же у нее были свои странности, которые она называла «традициями» и которых неизменно придерживалась.

Но больше всего Лиз доставалось от нее из-за Джеми. Когда он только родился, ее мать пришла в ужас. Она заявила, что это настоящая трагедия, и не только не изменила со временем своего мнения, но и высказывала его вслух каждый раз, когда Джеми не мог ее слышать. Присутствие остальных членов семьи ее нисколько не смущало. Она постоянно подчеркивала, что Джеми нужно отправить в специальную лечебницу для умственно отсталых детей, чтобы не травмировать брата и сестер.

От такой беспардонности Лиз каждый раз приходила в ярость, хотя Джек настоятельно советовал ей не обращать внимания на слова матери. «Это наша семья, – говорил он, – и то, что думает твоя мать и моя теща, не имеет никакого значения».

Он был совершенно прав. Джеми давно стал полноправным членом их семьи, и ничто в мире не могло бы заставить Лиз и Джека расстаться с ним. Питер и девочки обожали простодушного Джеми. Но все же Лиз было очень трудно справиться с собой, когда ее мать начинала с глубокомысленным видом утверждать, что уродов надо держать подальше от нормальных детей.

* * *

После ужина Питер помог Джеми приготовить молоко, морковку и несколько кусков хлеба с солью для оленя Санта-Клауса, а также написал под диктовку брата записку, в которой тот напоминал сказочному деду о велосипеде и просил принести что-нибудь замечательное для самого Питера и сестер. «Спасибо, дорогой Санта-Клаус!» – такими словами Джеми закончил письмо. Когда Питер по его просьбе перечел послание еще раз, мальчик удовлетворенно кивнул.

– Может, лучше приписать, что, если он все-таки не принесет мне велосипед, я не обижусь? – спросил Джеми с беспокойством. – Я не хочу, чтобы Санта расстраивался из-за того, что огорчил меня!

– Да нет, я думаю, не стоит. Ты так хорошо себя вел, что готов поспорить: Санта-Клаус подарит тебе самый лучший велик, какой только найдется у него в Лапландии, – с серьезным видом ответил Питер. Он, как и все остальные, отлично знал, что Джеми ужасно хочется иметь велосипед и что он ждет не дождется завтрашнего утра, когда он наконец увидит под елкой долгожданный подарок.

В конце концов Лиз все же удалось увести Джеми и уложить в постель. Меган, как обычно, висела на телефоне, а Рэчел и Энни заперлись в спальне и, сдавленно хихикая, примеряли наряды друг дружки. Лиз отпустила Кэрол к подруге и теперь прибиралась в кухне. Питер помог Джеку собрать велосипед и уехал к Джессике. Это был чудесный, мирный сочельник. Лиз и Джек всю предвкушали свободную от тревог и забот праздничную неделю. Неплохо потрудившись, Сазерленды рассчитывали на заслуженную небольшую передышку.

Они как раз поднимались к себе в спальню, когда зазвонил телефон. Это была Аманда Паркер. Как только Лиз взяла трубку, она поняла, что Аманда недавно плакала. Голос был прерывистым и невнятным, и казалось, что ей очень трудно говорить.

– Простите, что беспокою вас в канун Рождества, но... Полчаса назад позвонил Фил и сказал... – Она начала всхлипывать, и Лиз постаралась успокоить ее.

– Что, что он сказал?!

– Он сказал, что, если я не уговорю вас отменить арест на его имущество, он... он убьет меня. Фил сказал, что не даст мне и десяти центов и мы с детьми подохнем с голоду...

– Этого не случится, и вы это знаете, – твердо сказала Лиз. – Ваш муж по закону обязан содержать семью, он просто пытается в очередной раз запугать вас...

«И, похоже, ему это удалось», – подумала она мрачно. Филипп Паркер сумел напугать Аманду до такой степени, что она почти готова была уступить. Лиз ненавидела подобные дела, в особенности если клиент, который ей нравился, подвергался столь сильному давлению. Кое-что из того, что рассказывала ей Аманда, заставляло Лиз вздрагивать от ужаса и возмущения. Филипп Паркер настолько затерроризировал жену, что она долго не решалась расстаться с ним и подать на развод. Да и теперь, когда решительный шаг был сделан, Аманде все еще нужно было собираться с силами и терпеть, терпеть, терпеть. Сазерленды оказывали ей всевозможную поддержку, однако, несмотря на это, Аманде было тяжело – Лиз знала это точно. Аманда, если можно так выразиться, была для своего мужа идеальной жертвой, с которой тот мог делать все, что хотел.

– Слушайте меня внимательно, Аманда, – сказала Лиз решительно. – Заприте все двери, никуда не выходите и никому не открывайте. А если что-то покажется вам подозрительным – немедленно вызывайте полицию. Вы поняли?.. Вот и отлично. Главное, запомните: ваш муж пытается взять вас на испуг, но если вы будете твердо стоять на своем, он ничего не сможет!

Но ее слова не убедили Аманду.

– Фил сказал, что убьет меня... – повторила она и судорожно всхлипнула.

– Если он будет угрожать, то на следующей неделе мы возьмем судебный запрет. После этого Филипп не посмеет даже приблизиться к вам меньше чем на милю. Ведь его тут же арестуют и отправят за решетку, а выбраться оттуда ему будет ой как трудно! Вы верите мне?

– Я... я верю вам. Спасибо, миссис Сазерленд, – ответила Аманда, и ее голос прозвучал несколько бодрее. – Еще раз простите, что побеспокоила вас накануне Рождества...

– Вы нас вовсе не побеспокоили, для этого мы и существуем. Если потребуется – звоните еще, хорошо?

– Я думаю, все будет в порядке, – неуверенно ответила Аманда. – Мне уже лучше. Вот поговорила с вами и сразу почувствовала себя увереннее.

В ее голосе звучала неподдельная благодарность, и Лиз стало очень жаль Аманду. Такого Рождества, как у нее, Лиз не пожелала бы и врагу.

– Знаешь, я ужасно ей сочувствую, – сказала Лиз Джеку, когда, положив трубку, вошла наконец в спальню. – Ей просто не по силам иметь дело с этим подонком.

– Для этого она и наняла нас, разве не так? – Джек расхаживал по комнате и негромко посмеивался, очевидно, думая о подарке, который он приготовил жене. Но, подняв глаза на Лиз, он увидел, что она встревожена не на шутку.

– Как ты думаешь, может он действительно попытаться что-то ей сделать? Я имею в виду – что-то серьезное? – спросила Лиз. В последний раз Филипп Паркер бил свою жену довольно давно, однако с тех пор они жили отдельно и у него просто не было такой возможности.

– Вряд ли... – Джек покачал головой. – Мне кажется, он просто снова старается согнуть ее, подчинить своей воле. На данном этапе это для него гораздо важнее, чем желание почечать кулаки. Он отыграется на Аманде потом – *после* того как она убедит нас отозвать иск. Но этого не случится, правда?..

Лиз кивнула. Джек продолжал развивать свою мысль:

– И, я думаю, он тоже это понимает, но не такой человек Филипп Паркер, чтобы просто так взять и сложить оружие. Поэтому он будет и дальше звонить ей, угрожать...

– Бедная Аманда! – вздохнула Лиз. – Ей приходится нелегко.

– К счастью, все это временно. Ей нужно только собрать волю в кулак и потерпеть еще месяц, пока этот упрямец не поймет, что выхода нет, и он должен согласиться на все наши условия. В конце концов, Филипп Паркер достаточно богат, чтобы обеспечить жену и детей до конца дней. Для этого ему всего-то придется сократить количество любовниц.

– Может, именно этого он и боится! – улыбнулась Лиз, с обожанием глядя на мужа. Джек как раз снял рубашку, и она в который уже раз подумала, что он невероятно красив и привлекателен. В свои сорок четыре года Джек сохранил подтянутое, мускулистое тело и, несмотря на седину, выглядел намного моложе своих лет.

– Чему ты улыбаешься? – спросил он, стаскивая брюки.

– Я подумала о том, какой ты симпатяга. Сейчас ты выглядишь даже сексуальнее, чем когда мы только поженились.

– По-моему, дорогая, все дело просто в том, что с возрастом у большинства людей обычно портится зрение, – пошутил Джек. – Кстати, ты тоже неплохо сохранилась, и, заметь, у меня со зрением все в порядке.

Действительно, Лиз уже исполнился сорок один год, но, глядя на нее, никто бы не предположил, что у нее может быть пятеро детей. Подумав об этом, Джек подошел к ней и поцеловал, и сразу оба позабыли об Аманде Паркер и о ее проблемах. Как бы она ни нравилась обоим и какое бы сочувствие они к ней ни испытывали, она все же оставалась просто одним из рабочих вопросов, которые они привыкли решать в служебное время. Дома же оба старались забывать о делах, особенно теперь – накануне праздника, который они собирались встретить только друг с другом и детьми.

Некоторое время они лежали в постели и смотрели телевизор. Потом девочки пришли пожелать им спокойной ночи, а когда часы в коридоре пробили одиннадцать, Лиз услышала, как стукнула входная дверь – это вернулся Питер, который, подражая отцу, всегда старался держать слово. После программы новостей Джек погасил свет, и они забрались под одеяло, крепко обняв друг друга. Лиз очень любила лежать, свернувшись калачиком в его объятиях, и чтобы Джек что-нибудь шептал ей на ухо. Вот и сейчас, почувствовав, как его горячее дыхание приятно щекочет ей кожу, Лиз выбралась из постели и, на цыпочках подойдя к

двери, надежно заперла ее, чтобы никто из детей ненароком не вломился к ним в спальню. Правда, старшие уже понимали, что к чему, но Джеми часто просыпался среди ночи и будил Лиз, чтобы попросить воды или поправить одеяло. Поэтому Лиз и запирала дверь. Тогда вся спальня оказывалась в их полном распоряжении, и они могли не сдерживаться в выражении чувств. Когда Джек осторожно стянул с нее ночную рубашку и поцеловал, Лиз застонала от наслаждения и откинулась на подушки, подставляя тело новым ласкам.

И это был, наверное, самый лучший способ встретить наступающее Рождество...

Глава 2

Наутро Джеми пробрался в кровать к родителям в половине седьмого. Дверь они отперли еще ночью, перед тем как крепко заснуть.

Пока Джеми устраивался рядом с матерью, Джек даже не пошевелился. У Лиз тоже слипались глаза; она наверняка знала, что остальные дети крепко спят, и только Джеми вскочил в такую рань.

Причина этого выяснилась довольно скоро.

– Не пора еще идти вниз? – тихонько спросил мальчуган.

– Нет, мой милый, – так же шепотом ответила она. – Еще ночь!.. Поспи немного с нами, если хочешь.

– А когда будет пора? – снова спросил он.

– Часа через два, дорогой, – ответила Лиз, мужественно борясь с зевотой. – Поспи, а?..

Спать хотелось ужасно, и она надеялась уговорить Джеми полежать спокойно еще хотя бы пару часов. Хотя бы до восьми! Остальные дети были уже слишком большими, чтобы вскакивать на рассвете и нестись к елке, но Джеми было еще трудно справляться с волнением и любопытством.

В конце концов Лиз пришлось пойти на компромисс. Она потихоньку отвела Джеми в его спальню и достала большую коробку конструктора «Лего».

– Поиграй пока, а когда будет пора, я за тобой зайду, – пообещала она.

Джеми тут же начал строить что-то из разноцветных деталей, а Лиз на цыпочках прокралась обратно и, юркнув под одеяло, прильнула к Джеку. Он был такой теплый и уютный! Лиз счастливо улыбнулась, опуская голову на подушку рядом с его головой.

Было самое начало девятого, когда Джек наконец пошевелился. В ту же секунду – словно он специально дожидался этого момента за дверью – в спальню снова вошел Джеми. У него кончились детали, и он хотел знать, не пора ли все-таки идти вниз.

Вздыхнув, Лиз поцеловала Джека, который пробормотал спросонок что-то ласковое, и отправила Джеми будить остальных. Когда дверь за ним затворилась, Джек открыл глаза и, обняв Лиз одной рукой за плечи, лениво притянул к себе.

– Ты давно встала? – спросил он.

– Джеми разбудил меня в половине седьмого. Мне удалось его отвлечь, но, боюсь, его терпение на исходе, – ответила Лиз.

И действительно, меньше чем через пять минут Джеми снова появился в спальне; за ним гуськом тянулись остальные. Девочки отчаянно терли глаза, а Питер обнимал Джеми за плечи. Накануне вечером он помогал Джеку собирать велосипед и теперь улыбался, думая о том, как будет доволен брат.

– Ну, давай, папа, вставай! – сказал Питер, стаскивая с отца одеяло. Джек заворчал и, повернувшись на живот, попытался спрятать голову под подушку, но это его не спасло. В мгновение ока Энни и Рэчел оказались верхом на нем, Меган щекотала ему пятки, а Джеми скакал вокруг кровати и вопил от восторга. Пока они возились, Лиз встала и накинула халат. На кровати образовалась настоящая куча-мала: Джек в свою очередь щекотал визжащих дочерей; Джеми тоже не пожелал оставаться в стороне и принял участие в общей забаве. Зрелище было настолько умиротворительное, что Лиз не выдержала и от души расхохоталась.

В конце концов Джек поднял руки в знак того, что сдается, и Лиз поспешила к нему на выручку, объявив, что им всем пора спуститься вниз и посмотреть, что принес каждому Санта-Клаус. Этого оказалось вполне достаточно. Куча-мала мгновенно распалась. Джеми первым соскочил на пол и бросился к двери. Остальные, продолжая пересмеиваться и хихикать, последовали за ним, но куда там!.. Когда шедшие последними Джек и Питер только

выходили из спальни, Джеми был уже на последних ступеньках ведущей вниз лестницы. Оттуда ему еще не было видно стоящую в гостиной елку и подарки под ней, но стоило Джеми обогнуть последний столб перил и заглянуть в гостиную, он увидел *его*.

Он был красным, как пожарная машина, блестящим, как серебро, прекрасным, как мечта... Лиз, следившая за выражением лица Джеми, даже почувствовала, как слезы навернулись ей на глаза. На этом лице можно было прочесть все – и счастье, и радость, и волшебство Рождества. На мгновение мальчуган замер, держась рукой за косяк двери, потом вдруг ринулся вперед, а остальные наблюдали за ним с удовольствием едва ли не большим, чем испытывал сам Джеми.

Разумеется, он тут же попытался сесть на свой новенький велосипед. Лиз придержала для него машину, а Питер, взяв велосипед за руль, дважды провел его вокруг гостиной, стараясь не наезжать на другие подарки. Джеми был в таком восторге, что его речь стала совсем бессвязной, однако каждому было понятно, что он просто на седьмом небе от счастья.

– Я получил его! Получил!.. Санта-Клаус подарил мне велосипедик! – восклицал немного успокоившийся Джеми. Питер поставил на проигрыватель компакт с записями рождественских гимнов, и дом в одночасье наполнился пьянящей, как шампанское, атмосферой праздника. Девочки и Питер, которому в конце концов удалось уговорить Джеми ненадолго слезть с велосипеда, уселись за стол открывать свои подарки, и снова восторгу и радости не было предела. Все вскрикивали, и ахали, и восхищались, и говорили друг другу слова благодарности. Кроме собрания сочинений Чосера, Джек получил на Рождество отличный кашемировый свитер, который Лиз купила в универмаге «Нейман – Маркус». В свертке, помеченном ее именем, Лиз обнаружила изящный золотой браслет, который изумительно смотрелся на ее руке.

Они разбирали подарки почти полчаса. Потом Джеми с помощью старшего брата снова взгромоздился на свой велосипед, а Лиз отправилась на кухню, чтобы приготовить всем завтрак. Она собиралась испечь вафли, сварить сосиски и пожарить яичницу с беконом, что тоже было своего рода рождественской традицией. Пока она пекла вафли, тихонько мурлыча себе под нос рождественскую песенку про колокольчики, в кухню забрел Джек, чтобы составить ей компанию, и Лиз воспользовалась случаем, чтобы еще раз поблагодарить его за браслет.

– Я люблю тебя, Лиз, – сказал он, с нежностью глядя на нее. – Скажи, ты когда-нибудь задумывалась о том, какие мы все счастливые? – И он покосился на открытую дверь, из-за которой доносились радостные вопли детей.

Лиз кивнула.

– По совести сказать, я думаю об этом не реже тысячи раз в день, а может быть, и чаще. – С этими словами она повернулась к Джеку и обняла его, а он поцеловал ее в лоб.

– Спасибо тебе за все, что ты для меня делаешь, – сказал он негромко. – Не знаю, что такого я совершил и чем заслужил это счастье, но я ужасно рад, что мы с тобой нашли друг друга.

– И я тоже рада, – ответила Лиз и, выпустив Джека, бросилась к плите, чтобы снять с огня сосиски и перевернуть на сковородке шкворчащий бекон. Пока она разбивала на сковороду яйца, Джек помолот и сварил кофе, и вскоре вся семья снова собралась за столом. Дети смеялись, шутили и хвастались друг перед другом подарками, а Джеми притащил в кухню велосипед и положил на пол рядом со своим стулом. Он как будто боялся расстаться с ним хотя бы на минуту; впечатление было такое, что, если бы ему позволили, он бы и завтракал, не слезая с седла.

– Ну-с, у кого какие планы на сегодня? – спросил Джек, наливая себе вторую чашку кофе.

– Мне уже скоро надо приниматься за индейку, – ответила Лиз, бросив взгляд на часы. По ее просьбе Кэрол купила двадцатифунтового каплуна, и возни с ним предстояло много. Впрочем, начинку для рождественской индейки всегда готовил Джек. Девочки сказали, что хотели бы примерить новые наряды и позвонить подругам. Питер снова собирался к Джес-сике, и Джеми взял с него слово, что он вернется пораньше и поучит его кататься.

– А мне нужно ненадолго съездить в контору, – неожиданно заявил Джек.

– В Рождество?! – удивленно приподняла брови Лиз.

– Я ненадолго, – промолвил он извиняющимся тоном. – Оказывается, я забыл взять одно дело, над которым хотел поразмыслить на досуге.

– Почему бы тебе не съездить в офис завтра? Сегодня же Рождество, и тебе все равно будет не до работы, – с улыбкой сказала Лиз. Похоже, Джек на глазах превращался в трудо-лика, но, по большому счету, она не имела ничего против. Лиз знала: что сколько бы папок с делами он ни приносил с работы домой, семья всегда была и будет для него на первом месте.

– Мне хочется, чтобы эти документы были у меня под рукой, так спокойней, – объяснил Джек. – Тогда я смогу заняться ими хоть завтра, хоть послезавтра.

– Тут кто-то учил меня оставлять работу на работе. Это, случайно, был не ты?.. – пошутила Лиз. – Двойные стандарты, мистер Сазерленд!

– Да я уеду-то всего на десять минут. А когда вернусь – сразу займусь начинкой, клянусь! – воскликнул Джек, прикладывая руку к сердцу.

Таким образом, вопрос был решен. Когда дети позавтракали и ушли к себе, Джек помог Лиз убрать посуду. Затем она занялась индейкой, а Джек отправился в спальню, чтобы привести себя в порядок.

Спустя полчаса он снова спустился в кухню. Джек побрился и надел свободные полотняные брюки цвета хаки и темно-красный шерстяной свитер. От Джека крепко и свежо пахло лосьоном после бритья, и Лиз шутливо поинтересовалась, уж не на свидание ли он собрался.

– Да, на свидание, и эту мисс зовут Работа, – серьезно ответил Джек. – Это единственная женщина, с которой я согласен иметь дело, кроме тебя. Кстати, тебе не нужно ничего купить? Я мог бы по дороге заехать в супермаркет...

– Мне нужен только Джек Сазерленд, но, насколько я знаю, эту модель давно не выпускают. – Лиз звонко чмокнула его в щеку. – Возвращайся скорее, не то я буду скучать. А мисс Работа подождет – выходные для того и существуют, чтобы отдыхать. Вам ясно, мистер адвокат?

Она все еще была в домашнем халатике; прямые рыжие волосы – все еще чуть-чуть влажные после душа – свободно свисали на плечи, а изумрудно-зеленые глаза лучились любовью и нежностью. Джеку она казалась почти такой же, как и тогда, когда они только познакомились, и он не замечал – просто не желал замечать – никаких признаков того, что с того дня прошло уже без малого двадцать лет.

– Я люблю тебя, Лиз, – нежно сказал он и, поцеловав ее в губы, повернулся и пошел к выходу.

* * *

Всю дорогу до конторы он думал о Лиз. Оставив машину на обычном месте на стоянке напротив офисного здания, Джек открыл парадное своим ключом и, поднявшись на нужный этаж, отключил сигнализацию. Потом он вошел в контору, достал из сейфа нужную папку и уже собирался снова включить охранную систему, когда в коридоре послышались шаги. Джек знал, что по случаю праздника в здании никого нет и быть не должно. Неужели это Лиз последовала за ним? Глупости! В этом предположении не было никакого смысла. Джек

выглянул в коридор, чтобы посмотреть – кому это еще вздумалось прийти на работу в первый день Рождества.

В коридоре никого не было, однако ощущение чьего-то присутствия не оставляло Джека. Сердце его на мгновение сжалось, словно от предчувствия близкой опасности, но он отогнал от себя эту мысль.

– Эй, кто там? Алло?.. – позвал он. Никто ему не ответил, но со стороны лифтовой площадки был слышен какой-то шорох, и вдруг раздался негромкий металлический щелчок. На всякий случай Джек отступил обратно в офис, раздумывая, не позвонить ли ему в полицию. Он уже шел к телефону, когда от дверей снова донесся какой-то звук. Повернувшись в ту сторону, Джек оказался лицом к лицу с Филиппом Паркером, мужем Аманды.

Филипп выглядел словно с похмелья: бледное лицо перекошено, волосы всклокочены, лицо и рукава светлого плаща испачканы в грязи. Поначалу Джек так и подумал, что Паркер изрядно выпил, но, опустив взгляд, он увидел в руках Филиппа пистолет.

И этот пистолет был направлен прямо ему в живот.

Странное спокойствие овладело Джеком, когда он заговорил.

– Убери-ка эту штуку, Фил, – произнес он самым будничным тоном. – Опустит оружие, слышишь?

– Не смей указывать, что мне делать, грязный сукин сын! – истерически завопил Филипп Паркер. – Ты небось думал, что можешь вертеть мной как заблагорассудится, да? Ты все предусмотрел, но только не это! – Он ткнул пистолет чуть не в самое лицо Джека. – Ха-ха, адвокатишка паршивый, думал напугать старого Фила Паркера! Так вот: ты только чертовски меня разозлил, понятно? Ты веревки вьешь из этой дуры – моей жены, ты заставляешь ее плясать под свою дудку и считаешь, что делаешь ей огромное одолжение, но только все это ерунда. А хочешь узнать, что ты сделал *ей на самом деле*?..

Фил Паркер почти рыдал. Он как будто сошел с ума, да и грязь на рукавах его плаща была подозрительно похожа на размазанную кровь. «Упал где-нибудь спьяну и расшиб нос, – отстраненно подумал Джек. – А может, нанюхался какой-нибудь дряни...» Как бы там ни было, поведение его было совершенно непредсказуемым, а речь – бессвязной и отрывистой.

– ...Я предупредил Аманду, что убью ее, если она не заставит вас отозвать иск! – продолжал Филипп Паркер. – И я не позволю вам так поступить со мной. – Он помахал пальцем с обломанным ногтем перед самым носом Джека. – Вы не имеете права отнимать у меня то, что я нажил за всю жизнь... Я ей сказал, что сделаю это. Я сказал... у нее нет никакого права... У вас нет никакого права!..

– Это только на месяц, Фил, – сказал Джек. – До тех пор, пока ты не сообщишь суду сведения, которые нам необходимы. Как только ты это сделаешь, мы снимем арест с твоего имущества и счетов. Хочешь, займемся этим прямо в понедельник? Только не волнуйся. – Голос Джека звучал спокойно и ровно, но сердце в груди стучало как бешеное.

– Нет, это ты не волнуйся! И не смей указывать мне, что делать, вшивый законник! Все равно теперь уже поздно. Ты сам все погубил. Ты заставил меня сделать это!

– Заставил сделать – что? – спросил Джек. Впрочем, инстинктивно он уже понял, в чем дело, но его рассудок отказывался принять страшную правду. Лиз была права – они загнали Филиппа Паркера в угол, и он не выдержал и сорвался. Но что же он все-таки сделал с Амандой?

– Ты заставил меня убить ее! – выпалил Филипп и вдруг разрыдался. – Я убил ее! Я убил ее! – как заведенный повторял он. – И это ты во всем виноват. Я не хотел, не хотел ее убивать, но мне пришлось. Ты научил ее. Она захотела получить все, что у меня было, отнять все, что я заработал. Маленькая шлюшка... у нее нет никаких прав требовать у меня деньги, а вы... вы заморозили мои счета! Что мне оставалось делать? Голодать?! Черта с два!

Джек знал, что говорить что-либо сейчас бесполезно и даже опасно. Ему оставалось только надеяться, что Фил выдумывает или бредит.

– Как ты узнал, что я буду здесь, Фил? – спросил он наконец, стараясь перевести разговор на другое.

– Я следил за тобой – вот как! Я все утро дежурил возле твоего дома, я ждал и вот – дождался!..

– А где Аманда?

– Я же сказал: я убил ее! – Он вытер нос рукавом плаща, оставив на лице свежий кровавый след. – Прикончил, как бешеную собаку!

– А... дети? Что с ними?

– С ними все в порядке. – Филипп Паркер неожиданно расхохотался. – Я оставил их с мамочкой.

– Ты убил их тоже?

– На кой черт мне сдались эти щенки? Я просто запер их в спальне вместе с матерью. А теперь я должен убить тебя. Это будет только справедливо, потому что во всем виноват ты. Это ты заставил Аманду пойти против мужа. До тебя она была нормальной девчонкой, но тут появился ты, и ей как будто вожжа под хвост попала. Все из-за тебя, понял?!

– Возможно, – как можно спокойнее произнес Джек, хотя внутри по всему телу разливался ледяной холод страха. – Во всяком случае, Аманда здесь ни при чем, поэтому опусти-ка пушку, и давай поговорим спокойно.

– Ну-ка не командуй, ты! – заорал Филипп Паркер. Его взгляд обжигал, словно лазер, и Джек внезапно понял, что все, что он говорил, – правда. Больше того, он не только угрожал – он был способен осуществить свою угрозу.

– Положи пистолет, Фил, – повторил Джек, стараясь говорить спокойно и властно. – Положи пистолет, ну!

– Пошел ты к черту, адвокатская сволочь! – взвизгнул Филипп Паркер, но оружие опустился, и Джек почувствовал, что выигрывает. Филипп Паркер явно колебался. Оставалось сделать последнее усилие, чтобы окончательно сломить его волю. Или, воспользовавшись его нерешительностью, попытаться вырвать пистолет.

Не отрывая взгляда от лица противника, Джек сделал шаг вперед, потом еще один. Он уже протянул руку, как вдруг раздался оглушительный грохот, и что-то сильно толкнуло его в грудь.

Несколько мгновений Джек не чувствовал ни боли, ни удивления. Опустив глаза, он смотрел на направленный на него ствол пистолета, из которого поднималась тоненькая струйка дыма, и гадал, как, стреляя почти в упор, Филипп Паркер ухитрился промахнуться. Но он не промахнулся. Пуля прошла практически навывлет, и Джек не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Словно парализованный, он беспомощно смотрел, как Филипп Паркер снова поднимает пистолет, вставляет его в рот и нажимает на спусковой крючок.

Грянул еще один выстрел, разнесший Филиппу голову; кровь и мозг так и брызнули на стену позади него, и он начал медленно оседать на пол. Это как будто послужило сигналом: Джек вдруг почувствовал в груди свинцовую тяжесть и, пошатнувшись, упал на колени. Все произошло так быстро, что он еще не совсем отдавал себе отчет в том, что случилось. Единственная связная мысль, которая гвоздем засела у него в голове, была о том, что он собирался вызвать полицию. Телефон стоял на столе совсем рядом. Джек, подтянув его к себе за шнур, снял трубку и набрал номер 911.

– Служба спасения слушает, – сказал голос в трубке, но Джек уже исчерпал все свои силы и, медленно опускаясь на пол, сумел только прохрипеть:

– Срочно... Меня застрелили.

Он видел темное пятно на свитере спереди, но свитер был красным, и Джек не сразу понял, что это кровь.

Оператор Службы спасения назвал номер его телефона и адрес, и Джек, подтвердив, что все верно, добавил:

– Позвоните... моей жене. Ее номер... – Веки словно налились свинцом, но, борясь со слабостью, Джек все-таки сумел продиктовать свой домашний телефон.

– «Скорая» уже выехала, она будет у вас через три минуты. Держитесь, – сказал в трубке оператор, но Джек уже почти не понимал, о чем речь. «Скорая помощь»? Зачем? Кому-то плохо? Единственное, чего он хотел, это увидеть Лиз.

– Позвоните Лиз... – повторил он чуть слышно и, закрыв глаза, вытянулся на ковре. Отчего-то ковер под ним был холодным и мокрым, и Джек подумал, что нужно будет вызвать уборщиков. Потом он услышал далекое пение сирен «Скорой» и решил, что это Лиз торопится к нему. «Зачем же она так шумно?» – слабо удивился Джек, но тут совсем рядом с ним вдруг зазвучало множество голосов, и чьи-то руки взяли его за плечи и перевернули на спину. К лицу прижалось что-то скользкое и холодное, словно резиновое. Джек попытался тряхнуть головой, чтобы сбросить это, оно мешало ему говорить. Он хотел спросить этих беспрестанно болтающих, кто они, что они здесь делают и где, наконец, Лиз, но язык ему не повиновался. Он открыл глаза, но все вокруг крутилось с бешеной скоростью, и Джек поспешил снова зажмуриться.

Постепенно он начал медленно соскальзывать в темноту, но кто-то крепко держал его за руки и снова и снова звал по имени, не давая провалиться в холодный, чернильный мрак, где не было ни одной звезды. «Зачем вы меня держите?» – хотел спросить Джек, но не смог. Сейчас ему нужна была только Лиз, а не все эти люди, которые кричали на него и что-то делали с его неподвижным телом. Где же Лиз? Где его дети?!

* * *

Когда раздался телефонный звонок, Лиз, все еще одетая в домашний халат, возилась на кухне. С тех пор как Джек уехал, прошло около четверти часа, и она почему-то сразу решила, что это звонит он или Аманда. Но голос в трубке был ей незнаком. Звонивший представился офицером полиции и сказал, что у него есть основания полагать, что ее муж, мистер Джек Сазерленд, был тяжело ранен в их офисе в результате нападения неизвестного преступника.

– Мой муж? – переспросила Лиз. Сначала она решила, что это просто чья-то дурацкая шутка. «Как же так, – думала она, – ведь он только недавно уехал».

– Он что, попал в аварию? – спросила она. – И почему он не звонит сам?

– Человек, который обратился в Службу спасения, сказал, что в него стреляли, и просил позвонить вам по этому телефону.

– Джек?... Джека ранили? Вы уверены?!

– Полиция еще не прибыла на место преступления, поэтому я ничего не могу сказать точно. Мы были бы очень благодарны, если бы вы тоже подъехали и помогли нам установить личность пострадавшего. Насколько мне известно, преступление произошло по адресу... – Он назвал адрес их офиса, и Лиз почувствовала, что у нее подкашиваются ноги. Она хотела подняться наверх, чтобы переодеться, но потом передумала. Ведь это действительно может быть Джек, подумала она, и если он ранен, значит, нужно быть на месте как можно скорее.

– Хорошо, я выезжаю немедленно, – сказала она в трубку и, выбежав из кухни, крикнула Питеру, чтобы он присмотрел за Джеми. – Я вернусь через пятнадцать минут, – добавила она, когда сын откликнулся, и поспешила выбежать в коридор, чтобы ничего пока не объяснять. В коридоре она схватила со столика под зеркалом ключи от машины и – как была, в светлом домашнем халатике – выскочила во двор. Сейчас Лиз меньше всего думала о том,

как она выглядит. Уже сидя в машине, она поймала себя на том, что ее губы беспрестанно шепчут молитву:

– Господи, сделай так, чтобы с ним все было в порядке!.. Господи, помоги! Пожалуйста, боже, пусть с ним все будет хорошо!..

Потом она вспомнила, что сказал по телефону полицейский. Джека застрелили?.. Но кто? Кто мог стрелять в него и как это стало возможно? Почему?! Ведь сегодня Рождество, и Джек должен был приготовить свою фирменную начинку для индейки из яблок и клюквенного варенья!.. Его лицо, его улыбка стояли перед ней словно наяву. Лиз отчетливо помнила, как всего полчаса назад он стоял в дверях кухни в красном свитере и свободных парусиновых брюках, как кивнул ей на прощание, как повернулся и пошел. Джека застрелили?.. Ее Джека? Нет, не может этого быть!

Свернув на стоянку напротив офисного здания, Лиз затормозила и выскочила из машины, не потрудившись даже захлопнуть за собой дверцу. На улице перед входом стояли две патрульные полицейские машины и машина «Скорой помощи» с включенной мигалкой. Чувствуя, что ее сердце каждую секунду может остановиться, Лиз бросилась мимо них в вестибюль и дальше к лифтам, чтобы поскорее узнать, что же все-таки стряслось.

– Джек, Джек!.. – повторяла она вслух, словно для того, чтобы он знал: она близко, она спешит к нему.

В офисе было полно людей – полицейских и медиков, которые склонились над кем-то или чем-то, лежащим на полу, – и Лиз не увидела Джека за их спинами. В растерянности оглядевшись по сторонам, она заметила забрызганную кровью стену и почувствовала, как у нее внезапно закружилась голова. Под стеной лежало накрытое простыней тело. Лиз замерла от ужаса. Это Джек?! Торчавшие из-под простыни ноги были обуты в светло-желтые замшевые мокасины. Она отчетливо помнила, что Джек уехал в кроссовках. Слава богу – это не он!

– Где Джек? Где мой муж? – спросила Лиз громко, но ей никто не ответил. Тогда Лиз с неожиданной силой оттолкнула в сторону одного из полицейских и вдруг увидела Джека. Лицо у него было серое, как цемент, глаза закрыты. Лиз, поднеся ладонь к губам, невольно ахнула, но тут же постаралась взять себя в руки и, опустившись рядом с Джеком на колени, склонилась над ним. Словно почувствовав ее присутствие, Джек открыл глаза, но смотрел не на нее, а куда-то в потолок.

– Джек, ты меня слышишь?!

Он не ответил. В вену на руке Джека была введена капельница, и двое медиков склонились над ним. Разрезанный свитер валялся рядом на залитом кровью ковре. Кровь была везде – на Джеке, на полу под ним и вокруг него, и Лиз вдруг увидела, что полы ее светлого халата тоже пропитались кровью.

Взгляд Джека внезапно стал осмысленным. Узнав Лиз, он слабо улыбнулся, и губы его дрогнули, словно он силился что-то сказать, но не смог.

– Что произошло?! – в страхе воскликнула Лиз, хватая его за руку.

– Паркер... – едва слышно прошептал Джек и снова закрыл глаза. Двое медиков, осторожно подхватив его под мышки и под колени, переложили на каталку. Когда они уже собрались везти ее к лифту, Джек снова открыл глаза и, найдя Лиз взглядом, сосредоточенно нахмурился.

– Я люблю тебя, Лиз, – шепнул он. – Все будет хорошо.

Он хотел дотронуться до нее, но ему не хватило сил, и Лиз, которая бежала рядом с носилками, увидела, что глаза его закатились и Джек потерял сознание.

Ощущение беспомощности охватило ее. Она видела, как по повязке на груди Джека расплывается красное пятно, значит, медики не сумели остановить кровотечение. «Что, если Джек умрет? – пронеслось у нее в голове. – Что, если он умрет?!»

Как она спустилась вниз, Лиз не помнила. Она пришла в себя, лишь когда кто-то грубо схватил ее за руку и втащил в салон «Скорой». Хлопнули дверцы, пронзительно взвыла сирена, и машина стремительно понеслась вперед по узким улочкам Тибурона. Двое врачей все время что-то делали с Джеком, изредка перебрасываясь короткими фразами, смысл которых ускользал от Лиз. Они делали все возможное, чтобы помочь Джеку, но он так и не пришел в себя, не открыл глаз и не заговорил с ней, хотя она сидела на полу совсем рядом и держала его за руку. Лиз была как в тумане, она отказывалась верить тому, что видели ее глаза и слышали уши.»Лишь бы доехать, – твердила она, – лишь бы добраться до больницы, а там его обязательно спасут!«

Вдруг машину тряхнуло. Один из сопровождающих их медиков склонился над Джеком, навалившись на него всем телом. Сначала Лиз решила, что он просто удерживает его от падения, но уже в следующее мгновение из-под повязки буквально брызнула ярко-алая кровь. Как ни жалили рану, кровь продолжала течь, и в считанные секунды весь салон оказался залит ею. Кровь Джека попала и на нее, но Лиз этого не замечала. Она вдруг услышала:

– Пульс не прощупывается... Кровяное давление на нуле... Сердце не бьется...

Она в ужасе уставилась на перепачканных кровью врачей, и тут машина влетела во двор больницы и остановилась. Лиз ждала, что сейчас двери снова распахнутся и носилки подхватят и повезут в операционную, но никто почему-то не торопился. Врач, который зажимал рану на груди Джека, выпрямился и, поглядев на нее, покачал головой.

– Нам очень жаль, мэм...

– Но... Сделайте же что-нибудь... Вы должны помочь ему! Не останавливайтесь, пожалуйста! – Она начала всхлипывать. – Пожалуйста, я прошу вас...

– Нам очень жаль, мэм, – повторил врач. – Ваш муж умер.

– Он не умер! Он не мог умереть! – Она вскочила и, бросившись к Джеку, прижала его к себе. Ее халат насквозь промок от крови. Лиз сразу почувствовала, что тело Джека уже остывает. Оно было податливо-безжизненным, и как Лиз ни старалась, она не могла уловить ни стука сердца, ни малейшего намека на дыхание. Только кислородная маска негромко шипела да неестественно громко тикали часы на его запястье.

Кто-то оторвал Лиз от Джека, помог ей выбраться из машины и повел к дверям приемного покоя больницы. Там ее усадили на скамью, закутали в одеяло и сунули в руку стакан горячего кофе, но Лиз не сделала ни глотка. Она вообще не шевелилась и только прислушивалась к незнакомым голосам, которые доносились до нее как сквозь толстый слой ваты. Потом в дверях появилась каталка, и Лиз увидела, что Джека с головой накрыли простыней. Она хотела вскочить, сдернуть простыню и открыть его лицо, чтобы он мог дышать, но каталка бесшумно прокатилась мимо на толстых резиновых колесах. Лиз так и не смогла ни встать, ни просто поднять руку. Она вообще не могла пошевелиться, хотя ей хотелось побежать вслед, закричать. Зачем они увозят его от нее? Язык не повиновался ей, мысли путались, а перед глазами стояло залитое кровью лицо Джека.

– Миссис Сазерленд? – Перед Лиз остановилась высокая темнокожая сиделка в кокетливом коротком халатике. – Мы выражаем вам свои соболезнования, миссис Сазерленд. Можем мы вам чем-нибудь помочь? Скажите, кому надо позвонить, чтобы за вами приехали.

– Я не знаю. – Язык еле ворочался у нее во рту, в горле застрял тугой комок, и Лиз натужно раскашлялась. – Г-где он? – спросила она, отдышавшись.

– Вашего мужа отвезли вниз, – сказала сиделка, и Лиз вздрогнула. В этих обычных словах было что-то зловещее и... окончательное. – Когда немного придете в себя, сообщите, когда и куда его следует доставить, хорошо?

– Доставить? – Смысл разговора ускользал от нее, словно сиделка говорила на иностранном языке.

– Ну да... – Сиделка слегка пожала плечами. – Ведь вам нужно подготовиться к похоронам, разве нет?

– К похоронам? – тупо переспросила Лиз. Она никак не могла взять в толк, кого она должна хоронить – разве кто-нибудь умер? И где, черт возьми, Джек? Зачем его увезли куда-то вниз? Лиз была уверена, что, если бы он был рядом, он объяснил бы ей, кого только что застрелили и кого они должны хоронить.

– Кому можно позвонить, чтобы за вами приехали? – повторила сиделка, но Лиз только покачала головой. Кому звонить? Для чего? Ведь Джек уехал совсем ненадолго! Он должен вернуться домой, чтобы приготовить начинку и помочь ей с уборкой. Зачем она сидит в этой глупой больнице и ждет неизвестно чего? Может быть, он уже вернулся и теперь волнуется, куда она подевалась!

– Никому не надо звонить, – сказала Лиз отрывисто. – Мне нужно домой.

Она уже собиралась встать, но тут к ней подошел человек в полицейской форме.

– Мы отвезем вас домой, когда вы скажете, – произнес он участливо, и Лиз удивленно посмотрела на него.

– Я и сама прекрасно доеду, – возразила она. Полицейский с сиделкой быстро переглянулись.

– У вас дома кто-нибудь есть? Кто-то, кто бы мог о вас позаботиться?

– Только дети... – Лиз снова попыталась встать, но колени ее подогнулись, и она медленно осела на скамью. Только с помощью полицейского, который поддержал ее под локоть, ей удалось наконец подняться. Несколько секунд она стояла, борясь с головокружением, потом глубоко вздохнула. В голове немного прояснилось, и Лиз поняла, что все это не бред и не сон. Она действительно только что навсегда потеряла Джека.

– Хотите, мы позвоним кому-то из ваших родственников? Быть может, у вас есть близкая подруга, которая могла бы приехать и побыть с вами?..

– Я не знаю. – Лиз и в самом деле недоумевала, кому и зачем нужно звонить, если твоего мужа застрелили. Быть может, вызвать их секретаршу Джин? Или Кэрол? Или мать, которая жила в Коннектикуте? В конце концов, она выбрала Джин и Кэрол и продиктовала их телефоны.

Полицейский подозвал еще одного и велел ему позвонить по указанным номерам, а сиделка отвела Лиз в пустующую палату и помогла ей переодеться в чистый больничный халат, поскольку ее домашний стал красным от крови Джека. Ночная рубашка Лиз тоже была в крови, но она не стала ее снимать. Ей было все равно. Единственное, о чем она могла думать, это о Джеке – о том, как, лежа в луже собственной крови, он открыл глаза и сказал, что любит ее.

Машинально поблагодарив сиделку за халат и пообещав прислать его обратно, она вышла в коридор приемного покоя. Регистратор за стойкой напомнила ей, что она должна позвонить в больницу, когда определится с похоронами, но Лиз ничего не ответила. Само слово «похороны» казалось ей ужасным.

На улице ее ждали в патрульной машине двое полицейских. Не проронив ни слова, Лиз села на заднее сиденье. Слезы текли по ее лицу, но она этого даже не замечала. Неподвижным взглядом она смотрела на дорогу сквозь решетку, разделявшую салон полицейского автомобиля на две части, но не видела ни спин офицеров, ни встречных машин, а только лицо Джека, когда он сказал: «Я люблю тебя, Лиз».

Вскоре машина остановилась напротив ее дома. Один из полицейских вышел и, открыв дверцу, помог Лиз выбраться из машины. Он даже спросил, не зайти ли им в дом, но Лиз отрицательно покачала головой. В этом не было никакой необходимости – к ней уже спешила Кэрол, а сзади сворачивала на подъездную дорожку машина Джин.

В следующую секунду обе женщины оказались рядом с ней. Они поддерживали ее под локти, потому что стоять Лиз было невероятно трудно. Она почти повисла у них на руках и всхлипывала, всхлипывала без конца. Кэрол тоже плакала, а у Джин глаза были красными. Всем троим было трудно поверить, что с Джеком случилось страшное. Это было невероятно, невозможно! С кем угодно, но только не с ним!

Джин первая справилась с собой.

– Он убил и Аманду тоже, – сказала она прерывистым голосом. – Полицейский, который мне звонил, более или менее ввел меня в курс дела. С ее детьми все в порядке. Они живы, но они видели, как Филипп Паркер убивал их мать. К счастью, их он не тронул.

Услышав это, Лиз зарыдала в голос. Филипп Паркер убил Аманду, Джека и себя. Эта волна смерти накрыла собой еще многих и многих. Ее. Детей. Детей Аманды, которые остались круглыми сиротами. Всех, кто любил и знал Джека или был его клиентом. Родственников и просто знакомых. Его смерть была потерей для огромного количества людей, но сейчас Лиз думала только о том, что она скажет своим детям. Она знала, что стоит им увидеть ее, и они сразу поймут – случилось что-то ужасное. Ее волосы были в крови; кровь с ночной рубашки пятнами проступала сквозь больничный халат, и вообще она выглядела так, словно только что побывала в дорожной катастрофе и чудом осталась жива.

– На что я похожа? – спросила Лиз у Кэрол. – Должно быть, я кошмарно выгляжу.

– Вы выглядите, как Джеки Кеннеди в Далласе, – ответила она откровенно, и Лиз поморщилась.

– Нужно что-то сделать. Я не могу показаться детям в таком виде, – сказала она. – Можешь ты принести мне чистый халат? И расческу... Я подожду тебя в гараже.

Кэрол ушла, а Джин помогла Лиз добраться до гаража. Там они сели на старый, продавленный диванчик, который когда-то стоял у них в прихожей. Лиз пыталась сообразить, что же ей все-таки сказать детям. Солгать она не могла. Дело было лишь в том, как преподнести им страшную правду, потому что сегодняшний день, без сомнения, должен был серьезно повлиять на всю их последующую жизнь. Но ей так и не удалось ничего придумать. Когда Кэрол вернулась с розовым махровым халатом и щеткой для волос, Лиз снова рыдала, а Джин нежно гладила ее по спине.

Как бы там ни было, необходимость действовать помогла Лиз собраться. Накинув купальный халат поверх серого больничного, она кое-как расчесала волосы и повернулась к Кэрол.

– Ну, как я выгляжу теперь?

– Если честно, вы выглядите скверно. Но по крайней мере теперь вы не напугаете их своим видом. Хотите, мы пойдем с вами?

Лиз кивнула. Обе женщины помогли ей подняться и пройти в кухню, которая сообщалась с гаражом. В кухне, к счастью, никого не было, но из гостиной доносились голоса. Лиз попросила Кэрол и Джин подождать, пока она поговорит с детьми. Она чувствовала, что должна сама сообщить им о смерти отца – это был только ее долг, только ее обязанность, но как она скажет это, какими словами?!

Когда Лиз вошла в гостиную, Питер и Джеми возились на диване, изо всех сил толкая друг друга и громко хохоча. Джеми первым заметил мать. Он поднял глаза, и Лиз показалось, что на мгновение сын застыл словно парализованный.

– Что с папой? – спросил Джеми каким-то чужим, взрослым голосом. – Где он?

Он как будто сразу что-то понял. Впрочем, Джеми часто замечал такие вещи, на которые старшие не обращали внимания.

– Его нет, – ответила Лиз. – Где девочки?

– Наверху. – Это сказал Питер, встревоженно поглядев на мать. – Что случилось, мам?

– Сходи позови их сюда, пожалуйста. – Лиз вдруг пришло в голову, что Питер теперь – глава семьи, хотя сам он об этом пока не догадывался.

Не сказав ни слова, Питер встал с дивана и вышел. Лиз слышала, как он поднимается по лестнице. Через минуту он вернулся с сестрами; лица у всех четверых были серьезными, словно они уже чувствовали – их жизнь вот-вот изменится самым решительным образом. Дети остановились в дверях, вопросительно глядя на мать.

– Сядьте, пожалуйста, – сказала Лиз как можно спокойнее, и они собрались на диване вокруг нее. Лиз обняла их за плечи и, переводя взгляд с одного любимого лица на другое, вдруг подумала: это все, что у нее осталось. Слезы снова потекли по ее щекам, но она даже не пыталась сдержать их. Прижав к себе Джеми, она заговорила:

– Я должна сказать вам... Случилась одна страшная вещь...

– Что? Что случилось?! – не выдержала Меган, и в ее голосе зазвенели истерические нотки. Девочка готова была разрыдаться, и Лиз поняла, что должна ее опередить.

– Папа умер, – сказала она просто. – Его застрелил муж одной нашей клиентки.

– Где он?! Где наш папа? – закричала Энни. Остальные молча смотрели на мать. Они просто не могли поверить в то, что случилось, но Лиз и не ждала от них этого. Она сама никак не могла свыкнуться с мыслью, что Джека больше нет.

– Он в больнице, – ответила она, но, чтобы не вводить их в заблуждение и не подавать ненужной надежды, добавила: – Он умер полчаса назад. Он просил передать вам, что он всех вас любит...

Она знала, что нанесла им страшный удар. Больше того, Лиз понимала – этот день они будут помнить всегда. Сколько бы им ни довелось прожить на свете, они снова и снова станут воспроизводить в памяти эти ее слова и никогда их не забудут, как никогда не забудут Джека.

– Мне очень жаль, мне очень жаль, – повторяла Лиз дрожащим голосом, крепче прижимая детей к себе.

– Нет! – хором крикнули девочки, заливаясь слезами. – Нет! Нет! Нет!..

Питер тоже рыдал, забыв, что ему уже шестнадцать и что он уже совсем взрослый. Только Джеми серьезно посмотрел на мать и, осторожно, но решительно высвободившись из ее объятий, медленно попятился.

– Я тебе не верю! – громко сказал он, остановившись в дверях. – Это все неправда. Неправда! – И, повернувшись, он бросился вверх по лестнице.

Лиз нашла Джеми в его спальне. Он сидел в углу комнаты на полу и, прикрыв голову руками, горько и беззвучно плакал – только плечи его тряслись да слезы стекали по щекам и капали на джинсы, оставляя на ткани темные пятнышки. Он как будто хотел спрятаться, укрыться от обрушившегося на него горя, от несправедливости и ужаса того, что случилось с ними со всеми. Он не отозвался, когда Лиз позвала его по имени. Ей пришлось взять его на руки. Сев с ним на кровать, она начала укачивать Джеми, как маленького, и понемногу он расслабился и стал всхлипывать все громче и громче, как и положено ребенку его возраста.

Лиз, чье сердце разрывалось от горя и жалости, тоже плакала.

– Мне очень жаль, что так случилось, – вымолвила она наконец. – Знаешь, Джеми, твой папа очень тебя любил...

– Я хочу, чтобы папа вернулся! – выкрикнул Джеми в перерыве между рыданиями, а Лиз все укачивала, все баюкала его.

– Я тоже хочу, мой маленький! – Еще никогда она не испытывала подобной муки. Она не знала, как, чем можно утешить детей. Скорее всего это было просто невозможно.

– А он вернется?

– Нет, милый. Папа не вернется. Он ушел.

– Насовсем?

Она кивнула, не в силах выговорить это страшное слово вслух. Еще несколько минут она держала Джеми на коленях, потом бережно ссадила на пол и, встав, взяла за руку.

– Идем к остальным.

Джеми послушно пошел за ней вниз, где Питер и девочки все еще рыдали, обняв друг друга. Кэрол и Джин были с ними. В глазах их тоже блестели слезы. В гостиной царило траурное настроение, а нарядная елка и вскрытые пакеты с подарками выглядели неуместными и оскорбительными. Казалось невероятным, что каких-нибудь два часа назад они все вместе радовались наступлению праздника, завтракали, шутили и смеялись, а теперь Джек ушел от них навсегда. Это просто не укладывалось в голове, и Лиз подумала, что не представляет совсем, абсолютно не представляет, что ей теперь делать.

Да нет, конечно, она должна была делать то, что должна – собирать по кусочкам, по крошечкам, по крупинкам вдребезги разбитую жизнь. Другой вопрос, хватит ли у нее на это сил.

В конце концов она велела детям идти в кухню и сама пошла с ними. Там Лиз чуть было не разрыдалась снова, увидев, что на столе все еще стоит чашка Джека и лежит его салфетка. К счастью, Кэрол все отлично поняла и быстро убрала их. Лиз налила детям по стакану воды. Затем она отправила их с Кэрол наверх, чтобы обсудить с Джин все необходимые приготовления. Нужно было связаться с похоронным бюро, известить друзей, коллег и бывших клиентов, вызвать из Чикаго родителей Джека и позвонить его брату в Вашингтон. Также следовало сообщить о случившемся матери Лиз в Коннектикут и дяде в Нью-Джерси. Кроме этого, Лиз предстояло решить, кремировать тело или хоронить, сколько машин заказывать для гостей и так далее и так далее... Ей еще никогда не приходилось сталкиваться с подобными вопросами, и сейчас Лиз едва не стало дурно, но она пересилила себя. Кто, как не она, сможет определить, какой выбрать гроб, какой дать некролог в газеты, откуда вызвать священника? Теперь все это – и еще многое другое – лежало только на ее плечах. Ей не оставалось ничего иного, как нести эту ношу. Джек ушел. Она и дети остались одни.

Глава 3

До позднего вечера Лиз была как в тумане. Джин кому-то звонила, приходили и уходили какие-то люди, мелькали незнакомые лица, откуда-то появились венки и корзины живых цветов, зеркала и люстры оказались занавешены черным газом, но ее внимание ни на чем не задерживалось надолго. Боль, которую испытывала Лиз, была такой сильной, что рядом с ней меркло все. Она больше не плакала, ужас происшедшего охватил ее с такой силой, что казалось – еще немного, и она не выдержит и закричит.

Единственной мыслью, которая снова и снова возвращалась к ней и воспринималась как что-то реальное, была мысль о детях. Что будет с ними? Как они переживут все это? Сумеют ли примириться с потерей? Их бледные лица вставали перед мысленным взором Лиз как наяву. Она знала, что выражение растерянности и горя на них было отражением ее собственных чувств. Они ничем не заслужили такой муки, но беда все же случилась, и Лиз была бессильна облегчить их страдания. Полная беспомощность, невозможность помочь тем, кого она любила больше всего на свете, – это было едва ли не самое страшное в их нынешнем положении. Их корабль разбился в щепки. Теперь все они оказались по горло в ледяной воде, в бушующих волнах, от которых негде было укрыться, некуда было спастись. Быть может, они сумели бы выплыть, но горе парализовало их, и никто не испытывал желания плыть, бороться, жить дальше.

За полтора часа Джин успела обзвонить всех родственников, знакомых и коллег, включая Викторину Уотермен – ближайшую подругу Лиз, которая жила в Сан-Франциско. Виктория тоже была адвокатом, но пять лет назад оставила практику, чтобы сидеть со своими тремя детьми.

История ее была необычной. После многих лет бездетного брака Виктория наконец решилась на искусственное оплодотворение. Ей повезло: в конце концов она родила тройню и так этому радовалась, что без колебаний бросила работу ради тихой семейной жизни с мужем и детьми. Узнав о смерти Джека, она тут же приехала. Ее лицо было единственным, которое Лиз узнала и запомнила. Все остальные – соседи, живущие неподалеку друзья, служащие похоронного бюро и коллеги – казались Лиз бесформенными, расплывчатыми тенями. Слова сочувствия, которые они произносили, звучали для нее просто как невнятный, раздражающий шум.

Только приезд Виктории вызвал у Лиз относительно живую реакцию. Подруга появилась с небольшой сумкой через плечо, в которой лежали туалетные принадлежности и смена белья. Ее муж в ближайшую неделю был относительно свободен; он взял на себя заботу о детях. Виктория намеревалась пожить у Лиз некоторое время. Как только Лиз увидела подругу, она снова расплакалась и уже не могла остановиться. Виктория не меньше часа просидела с ней в спальне, стараясь утешить или хотя бы разбудить в Лиз желание жить дальше.

Кроме этого, Виктория мало что могла сказать или сделать. Никакие слова не способны были притупить боль потери, поэтому она только молча гладила Лиз по плечу или говорила с ней о детях. Лиз несколько раз порывалась объяснить ей, как все произошло, и Виктории каждый раз приходилось переводить разговор на другое.

Потом они немного поплакали вместе. Когда Лиз затихла, Виктория отвела ее в ванную комнату. Лиз все еще была в больничном халате, и подруга сама раздела ее и поставила под горячий душ. Она надеялась, что это поможет Лиз расслабиться, но ничего не изменилось. Правда, Лиз больше не плакала, однако она по-прежнему не в силах была обратиться к реальности, снова и снова воспроизводя в памяти события сегодняшнего утра.

Единственное, что находило отклик в ее душе, это дети. Лиз испытывала постоянное инстинктивное желание сходить к ним, чтобы убедиться – с ними все в порядке и они не покинут ее так же неожиданно, как Джек. Она знала, что Кэрол сидит с Джеми и девочками и что Питер ненадолго поехал к Джессике, однако подспудное беспокойство не оставляло ее. Как ни старалась Виктория уговорить ее прилечь, Лиз не соглашалась.

Она знала, что все равно не заснет. Слова «похороны», «погребение», которые она слышала постоянно на протяжении последних нескольких часов и которые уже начинала ненавидеть, гремели у нее в ушах, словно барабаны, нет – словно трубы, возвещающие о конце света. В них был заключен весь ужас того, что с ними произошло. Похороны... Это означало костюм и обувь для Джека, гроб, поминальную службу, траурный зал, прощание с телом. «Разве можно прощаться с телом?» – думала Лиз, чувствуя, как внутри ее набирает силу невысказанный протест. Все, кто придет на похороны, будут прощаться с Джеком, а не с телом! Но с другой стороны, разве сможет она сказать «прощай» человеку, которого любила?..

В конце концов Лиз решила, что гроб должен быть закрытым. Пусть те, кто придет на поминальную службу, прощаются с тем Джеком, которого они знали, – веселым, общительным, любящим, внимательным, а не с холодным, безжизненным, *чужим* телом в новеньком несмятом костюме! Лиз не хотела, чтобы кто-то видел его таким, в особенности – дети. Пусть они запомнят отца живым. Может быть, тогда их чувство потери будет не таким острым. Ведь если не видел человека в гробу, со временем начинает казаться, что он не умер, а просто уехал куда-то очень далеко.

Потом она подумала о том, что в это самое время родные и близкие Аманды Паркер тоже страдают и тоже не могут смириться с происшедшим. А ее детям еще тяжелее – ведь они видели, как их собственный отец застрелил Аманду, застрелил их маму! К счастью, у Аманды была сестра. Лиз уже знала, что она решила взять сирот к себе, но думать еще и о чужих детях сейчас ей было не под силу. Единственное, что она сумела сделать, это попросила Джин послать родственникам Аманды цветы и записку со словами соболезнования. Кроме того, Лиз собиралась позвонить матери Аманды, но, когда именно она сможет это сделать, Лиз сказать не могла. Сейчас она могла только сочувствовать ей на расстоянии.

Брат Джека прилетел из Вашингтона той же ночью. На следующий день утром приехали из Чикаго его родители, и они все вместе отправились в зал, снятый Джин для гражданской панихиды. Выбор гроба был для Лиз непосильной задачей, поэтому этим пришлось заниматься Джин и брату Джека. Лиз, опиравшаяся на руку Виктории Уотермен, только кивнула, когда ее подвели к массивному полированному гробу красного дерева, с бронзовыми ручками и обивкой из белого бархата внутри. Весь процесс неожиданно напомнил ей покупку нового автомобиля. Она едва не рассмеялась, но готовый сорваться с ее губ смех внезапно перешел в истерические рыдания, которые она уже не могла остановить.

И это тоже был тревожный симптом. Потеря контроля над собой, невозможность сдерживаться, управлять своими мыслями и чувствами повергали Лиз в еще большее отчаяние. Она была словно подхвачена могучей, внезапно налетевшей сзади волной, которая выбила почву из-под ног и теперь несет и несет ее в открытое море, откуда уже никогда не удастся вернуться на безопасный, надежный берег. Уже не раз Лиз спрашивала себя, наступит ли когда-нибудь такое время, когда она снова будет нормальным человеком? Снова сможет смеяться, читать газеты или смотреть телевизор, и сама себе отвечала – нет. Особенно тяжело ей было смотреть на наряженную рождественскую елку, которая все еще торчала посреди гостиной то ли неммым укором, то ли призраком прошлой, счастливой и беззаботной жизни.

Когда настало время ужинать, за столом собралось почти полтора десятка человек. Виктория, Кэрол, Джин, брат Джека Джеймс, в честь которого был назван Джеми, его родители, брат Лиз Джон, с которым, впрочем, она никогда не была особенно близка, девушка

Питера Джессика, приехавший из Лос-Анджелеса бывший одноклассник Джека и дети с трудом разместились в их небольшой гостиной, но это было еще не все. То и дело звонил дверной звонок, люди приходили и уходили, а в коридоре появлялись новые букеты и корзины живых цветов. Кухонный стол ломился от пирогов, ветчины, цыплят и другой еды, принесенной соседями и друзьями, так что, когда Лиз случайно зашла туда, у нее сложилось впечатление, что о гибели Джека узнал весь мир. К счастью, пока удавалось сдерживать репортеров. Но в вечерних газетах уже появились статьи, посвященные происшествию. В шестичасовых «Новостях» даже показали небольшой репортаж с места убийства.

После ужина дети снова поднялись к себе. Взрослые остались за столом, чтобы еще раз обсудить детали предстоящих похорон, и тут снова раздался звонок в дверь. Приехала Хелен, мать Лиз. Стоило ей увидеть дочь, как она зарыдала в голос.

– О, Лиз, боже мой! Ты ужасно выглядишь!

– Я знаю, мама. Я... – Лиз не договорила. Она просто не знала, что сказать матери. Их отношения даже в детстве не были особенно теплыми и доверительными, а в последние годы присутствие матери зачастую стесняло Лиз. Во всяком случае, ей было гораздо удобнее разговаривать с Хелен по телефону, чем встретившись лицом к лицу. Пока был жив Джек, он служил своего рода буфером между ними, и Лиз гораздо спокойнее воспринимала все, что говорила или делала ее мать, но она так и не простила ей неприязни к Джеми. С самого начала Хелен считала, что с их стороны было глупостью заводить пятого ребенка; даже четверо, заявила она, слишком много, но пятеро – это уже просто смешно!

Кэрол предложила ей ужин, но Хелен сказала, что поела в самолете. Она согласилась на чашечку кофе и, подсев к столу, спросила Лиз:

– Ну и что ты собираешься делать дальше?

Хелен, как всегда, смотрела в самый корень проблемы. Для всех без исключения сегодняшний день был очень тяжелым, поэтому никто из собравшихся за столом не заглядывал в будущее дальше завтрашнего дня и тем более старался не задавать никаких вопросов, которые могли бы расстроить Лиз или хотя бы напомнить ей о ее теперешнем положении. Но Хелен была чужда сантиментов. Она всегда говорила то, что думала, и не боялась зайти на запретную территорию. Остановить ее удавалось только Джеку, да и то не всегда. Поэтому она продолжала как ни в чем не бывало:

– Знаешь, дорогая, дом придется продать. Он слишком велик, одна ты с ним не справишься. И практику тоже придется оставить: адвокатура – мужской бизнес, а без *него* ты никто!

По большому счету, Лиз была с ней согласна. Она и сама боялась, что без Джека она не справится ни с хозяйством, которое требовало достаточно много денег, ни с практикой, которая держалась на их с Джеком совместных усилиях. Да что там говорить – сейчас она не могла представить себе, как будет *жить* без Джека, однако резкость и прямота материнских слов вызвали в ее душе возмущение и протест. Мать не постеснялась вытащить на свет божий ее ужас и боль и, что называется, ткнуть носом в проблемы, которые требовали постепенного и деликатного решения.

Точно такая же ситуация возникла и девять лет назад, когда родился Джеми и стало известно, что он не совсем здоров. Тогда Хелен напрямик сказала дочери: «Ты в своем уме? Уж не собираешься ли ты оставить его у себя – этого уродца? Подумай, какая это будет травма для остальных детей!» Тогда Лиз едва не вышвырнула ее из дома. Шаткий мир был сохранен лишь благодаря своевременному вмешательству Джека. Этот случай, однако, ничему Хелен не научил. Она по-прежнему продолжала озвучивать самые потаенные мысли и глубинные страхи окружающих. «Глас божий» – шутливо называл ее Джек. Впрочем, он никогда не забывал напомнить Лиз, что мать не может заставить ее сделать что-то, чего она делать не хочет. Теперь Джека не было, и Лиз невольно задумалась: вдруг Хелен права? Сможет ли

она справиться одна? Не придется ли и в самом деле перебираться в другой дом и закрывать практику?

– На данный момент главная наша задача – это пережить понедельник, – с неожиданной твердостью перебила Хелен Виктория. (На понедельник были назначены похороны, а прощание должно было пройти в выходные.) – Только об этом надо думать сейчас.

Похороны были целью, на которой Лиз сосредоточила все свои усилия; они были своего рода границей, чертой, перейдя которую она должна была начинать строить новую жизнь, как бы трудно ей ни было. И все, кто приехал к Лиз сегодня, очень старались помочь ей продержаться эти несколько дней.

Увы, несмотря на их искреннее участие и сочувствие, Лиз не испытывала почти никакого облегчения. Правда, к вечеру усталость взяла свое. Боль несколько притупилась, однако в мыслях Лиз постоянно возвращалась к тому кошмару, которым обернулось для нее Рождество. Для нее и для детей. Лиз знала, что они никогда не забудут этот год и никогда, даже став взрослыми, не смогут спокойно слушать рождественские гимны или смотреть на украшенную блестками и мишурой рождественскую елку. Они не смогут даже развернуть рождественский подарок, чтобы не вспомнить, что случилось с отцом и как тяжело было каждому из них.

Виктория легонько тронула ее за плечо.

– Может быть, ты пойдешь ляжешь? – негромко предложила она.

Виктория Уотермен была невысокой хрупкой темноволосой женщиной с темно-кариими глазами и чувственным ртом, но в ее голосе часто звучали стальные нотки, которые ясно показывали: с ней лучше не спорить. Она действительно была наделена сильным характером, благодаря которому в свое время сумела стать успешным адвокатом. Сейчас ее сила оказалась очень кстати. Пока Виктория еще работала, Лиз часто шутила, что она-де способна нагнать страху и на присяжных, и на судью. Если Лиз при этом и преувеличивала, то лишь самую малость. Ее подруга специализировалась на случаях нанесения личного вреда, и ей много раз удавалось выиграть для своих подзащитных солидную компенсацию. Но, подумав об этом, Лиз сразу вспомнила Джека, Аманду и все, что произошло накануне. Когда она поднималась вверх, по щекам ее снова текли слезы.

Виктории Лиз сказала, чтобы она отправила Питера спать в комнату Джеми. В его спальне должна была лечь Хелен; Джеймс, брат Джека, мог лечь в кабинете, а брат Лиз – на диване в гостиной. Родители Джека остановились в отеле, что было очень кстати, поскольку в доме больше не было свободного места. Джин предстояло ночевать на раскладушке в комнате Кэрол, а Викторию Лиз попросила лечь с ней в их с Джеком спальне. Все эти люди были маленькой армией добровольцев, готовых сражаться за нее. Лиз чуть ли не впервые за весь день подумала о них с благодарностью и теплотой. Куда бы она ни заглянула, повсюду были ее друзья или родственники. Проходя по коридору, она видела, что Питер и Джессика разговаривают о чем-то в комнате одной из девочек, а Джеми сидит на коленях у Мег. Они были относительно спокойны – по крайней мере, никто из них не плакал, – и Лиз позволила Виктории отвести себя в спальню. Там она как подкошенная рухнула на кровать и лежала, неподвижно глядя в потолок.

– Что, если моя мать права, Вик? – спросила она наконец. – Что, если мне придется продать дом и закрыть нашу с Джеком фирму?

– Что, если русские объявят нам войну и разбомбят твой дом?! – фыркнула в ответ Виктория. – Ничего смешного – это вполне может случиться. Так вот, я хотела бы знать: ты начнешь собирать вещи немедленно или все-таки немного подождешь? Если паковать вещи сейчас, твои костюмы и платья непременно помнутся. Если ждать, когда на твой дом сбросят бомбу, то тогда от них вообще ничего не останется. Что ты предпочтешь, Лиз? Сейчас или

потом? – Она улыбалась, и Лиз тоже рассмеялась – рассмеялась впервые за весь день, если не считать истерического хихиканья перед только что купленным гробом.

– Я вот что думаю, – добавила Виктория, – твоя мать действительно затронула важную проблему, однако сейчас решение тебе пока не по зубам, так что и волноваться по этому поводу совершенно незачем. Возможно, все утрясется само собой и в будущем ты с этим вообще не столкнешься. А если столкнешься, что ж... тогда и будешь решать. Что касается вашей с Джеком практики, то... Если перевести слова Хелен на нормальный человеческий язык, то она сказала тебе примерно следующее: она считает, что ты – скверный адвокат. Ленивый, неумелый, неопытный – такой, который не способен справиться ни с одним мало-мальски серьезным делом без посторонней помощи. Если ты с ней согласна, то тебе, безусловно, лучше из бизнеса уйти. Но на твоём месте я бы не торопилась. Джек несколько раз говорил при мне, что на самом деле ты, как адвокат, даже посильнее, чем он. Я точно знаю – он при этом несколько не преувеличивал. Если хочешь знать, я придерживаюсь того же мнения. Согласись, я в этом разбираюсь. При всем моём уважении к способностям Джека, он иногда бывал поверхностен и не умел так глубоко вникать во все психологические тонкости и аспекты дела, как ты...

Говоря это, Виктория несколько не кривила душой... Помимо блестящего знания законов и богатой практики, Лиз умела разбираться в людях и была наделена своего рода шестым чувством – своеобразной интуицией, которая часто помогала ей развернуть на сто восемьдесят градусов самое запутанное, самое сложное дело, казавшееся заведомо проигрышным. Недостаток же агрессивности с лихвой компенсировался опытом и вниманием к деталям, чего Джеку иногда не доставало.

– Джек просто шутил... – сказала Лиз и почувствовала, как слезы снова подступили к глазам. Одной мысли о том, что Джека нет, было достаточно, чтобы нарушить ее хрупкое душевное равновесие. И никакие доводы разума и здравого смысла на нее не действовали. Лиз хотела, чтобы он был тут – и точка! В то, что он уже никогда не вернется, она не верила. Как же это может быть, если только вчера они с ним лежали в этой самой постели, если здесь они занимались любовью...

При воспоминании об их последней, полной нежности и страсти ночи слезы хлынули из ее глаз потоком. Как же все-таки страшно терять любимого человека! Как это страшно – никогда больше не видеть его, не касаться его тела, не чувствовать на коже его нежных прикосновений! Боже, зачем Джек ушел? Зачем оставил ее? Без него ее жизнь кончена, и Лиз была уверена, что никогда больше не сможет полюбить.

– Ты разбираешься в прецедентном праве лучше, чем все адвокаты, которых я знаю, – сказала Виктория, снова пытаясь отвлечь Лиз от ее горя. Она отлично понимала, о чем думает Лиз; ее мысли так ясно читались на лице и в глазах, что не имело никакого значения, говорила она что-то или молчала. – Просто манера Джека вести себя в суде была более эффективной. Мы оба больше работали на публику, и зачастую наше представление приносило успех. Но если разобраться как следует, ни Джек, ни я тебе и в подметки не годимся... – Виктория осеклась. Было очень трудно не упоминать о Джеке в каждом предложении. Ведь сейчас Виктория говорила об их жизни, общей жизни Джека и Лиз.

– Все равно Джек был отличным адвокатом, – упрямо сказала Лиз. – Только это его не спасло! Ведь буквально вчера утром я говорила ему, что Филипп Паркер может окончательно озлобиться, если мы загоним его в угол. Я была почти уверена в этом. Я только не знала, что этот подонок убьет и Аманду, и Джека тоже!..

Лиз снова залилась слезами, и Виктория села рядом на кровать и гладила ее по волосам до тех пор, пока приступ не прошел. Стоило, однако, затихнуть рыданиям, как в дверях спальни появилась Хелен.

– Как она? – Мать Лиз смотрела только на Викторию, словно ее дочь была без сознания или потеряла дар речи и не могла участвовать в разговоре. Впрочем, до некоторой степени так оно и было. Лиз, во всяком случае, казалось, что душа ее, отделившись от тела, наблюдает за происходящим в мире живых откуда-то с потолка.

– Я в порядке, мам. Все нормально, – тоскливо произнесла она. Ничего менее тривиального Лиз придумать не могла. Впрочем, вопрос, который задала ей мать, тоже не отличался оригинальностью. При других обстоятельствах Лиз предпочла бы, пожалуй, промолчать, но сейчас поступить так значило бы признать, что мать права, что ей не под силу справиться с ситуацией и что, следовательно, дом придется продать, а практику закрыть.

– Выглядишь ты не лучшим образом, – с упреком заявила Хелен, словно Лиз дурно подготовилась к важному экзамену. – Завтра тебе необходимо выглядеть пристойно, так что будь добра вымыть и уложить волосы. И не забудь воспользоваться косметикой, а то у тебя черные круги под глазами.

«Завтра я умру, поэтому мне наплевать», – хотела ответить Лиз, но промолчала. Ей и без того было слишком худо, чтобы еще ссориться с матерью. Семейные дразги – этого им только не доставало! Нет, худой мир лучше доброй ссоры, рассудила она, к тому же детям было полезно увидеться со своими родственниками – с ее матерью, с братом, с родителями Джека и с его братом, который все-таки прилетел, хотя прежде они практически не поддерживали друг с другом никаких отношений. Пусть знают о поддержке семьи.

Хелен ушла, а Лиз и Виктория долго лежали вместе в одной кровати, разговаривая о Джеке и обо всем, что случилось. Вряд ли кто-нибудь из них сумел бы когда-нибудь забыть этот кошмар. За сегодняшний вечер Лиз разговаривала по телефону с несколькими людьми, которые говорили, что она *никогда* не сможет оправиться от этого внезапного и жестокого удара и что самое лучшее в ее положении – это как можно скорее вернуться к работе. Другие тоже советовали что-то в этом роде, но были более оптимистичны. Жизнь не кончена, говорили они. Главное, не замыкаться в себе, а идти в мир и жить нормальной жизнью, как живут все люди. Быть может, какое-то время спустя она снова сумеет выйти замуж и быть счастливой, добавляли самые смелые, но для Лиз это звучало почти как кошунство. Выйти замуж? Быть счастливой? И это после всего, что случилось? Да как они смеют говорить ей подобные вещи? Продать дом, переехать в город, купить собаку, завести любовника, прогнать любовника и завести другого, кремировать Джека, а пепел развеять над заливом, не пускать детей на похороны, обязательно взять детей на похороны – у каждого, с кем она разговаривала, был наготове один или несколько бесплатных советов. Лиз утомилась даже просто выслушивать их, не говоря уже о том, чтобы вникать в суть, спорить, возмущаться. Она знала только, что Джек ушел и она осталась один на один со своей болью. Все остальное не имело значения.

Всю эту ночь Лиз и Виктория проговорили и заснули только в пять утра. А в шесть в спальню пробрался Джеми и забрался к ним в кровать.

– А где папа? – сонно спросил он, устраиваясь рядом с матерью, и Лиз почувствовала, как вздрагивает его худенькое тельце. Неужели он забыл, задумалась она. Нет, вряд ли. Просто смерть отца нанесла ему такую глубокую психологическую травму, что подсознание мальчика самопроизвольно подавляет память об этом событии.

– Папа умер, Джеми. Один плохой дядя застрелил его.

– Я знаю, – неожиданно согласился Джеми и глубоко вздохнул. – Я хотел спросить – где он *сейчас*. – Он замолчал, и в его молчании угадывался упрек. «Как ты могла подумать, что я забыл?» – словно хотел он сказать, и Лиз грустно улыбнулась в полутьме.

– Сейчас он в зале для прощания. Мы поедем туда завтра. Но на самом деле папа давно на небесах, с богом. – Во всяком случае, она думала, что это так, и надеялась, что все, во что она всегда верила, – правда. Лиз надеялась, что Джек счастлив в том месте, куда он попал после смерти, и что когда-нибудь, когда она тоже умрет, они снова встретятся, – но это была

только надежда. На самом деле Лиз все еще слишком хотела вернуть Джека, чтобы поверить в его смерть полностью и окончательно.

– А как он может быть сразу в двух местах?

– Папина душа – то есть все, что мы знали и любили в нем, – находится на небесах и в наших сердцах тоже. На земле осталось только его тело. Ну, знаешь, когда спишь, твое тело остается в кровати, а сам ты путешествуешь где хочешь... – К горлу Лиз снова подкатил комок, и она не смогла продолжать, но Джеми, похоже, был удовлетворен.

– А когда я снова увижу его? – задал он следующий вопрос.

– Когда мы все отправимся на небо, милый. Но этого придется ждать довольно долго.

Сначала надо вырасти, и не просто вырасти, а стать очень, очень старым...

– А почему плохой дядя застрелил папу?

– Потому что он очень рассердился, дорогой. Так рассердился, что сошел с ума. Кроме папы, он застрелил еще одну женщину, а потом убил себя, так что не волнуйся – он не явится сюда, чтобы причинить нам зло. – Последние слова Лиз добавила на всякий случай. Ей показалось, что Джеми думал именно об этом.

– А почему этот дядя так разозлился? Разве папа сделал ему что-нибудь плохое?

Ответить на этот вопрос было непросто, и Лиз ненадолго задумалась.

– Он разозлился потому, что наш папа действительно сделал ему одну вещь... – Она еще немного подумала, прежде чем продолжить. Как объяснить Джеми, что такое алчность, равнодушие, жестокость, – ведь за свои девять с небольшим лет он еще никогда не сталкивался ни с чем подобным? – Одним словом, – сказала она решительно, – папа пригрозил посадить его в тюрьму, потому что этот дядя плохо обращался со своей женой и со своими детками. Он не хотел давать им деньги на еду, и папа попросил судью, чтобы его либо отправили в тюрьму, либо заставили заплатить как положено.

– И он застрелил папу, чтобы не платить деньги?

– Вроде того.

– А судью он застрелил?

– Нет.

Джеми кивнул и надолго замолчал, обдумывая услышанное. Прошло сколько-то времени, он слегка расслабился, и Лиз крепче прижала его к себе. От всего, что у нее когда-то было, у Лиз остались только дети. О них она и должна была сейчас думать.

Но сказать это было гораздо проще, чем сделать. Наступивший день оказался гораздо более тяжелым, чем она ожидала. С самого утра вся семья отправилась в траурный зал. Дети разрыдались, как только увидели гроб, стоявший на небольшом мраморном постаменте. Рядом с гробом и на его крышке лежали живые цветы. Лиз хотела, чтобы это были белые розы, и теперь в воздухе плыл их тяжелый, густой запах, от которого у нее закружилась голова.

Довольно долгое время все молчали; в зале раздавались только приглушенные всхлипывания и рыдания. Потом Виктория и Джеймс увели детей; некоторое время спустя вышли и остальные родственники, и Лиз осталась один на один с закрытым гробом, в котором лежал человек, которого она любила на протяжении почти двух десятков лет.

– Как это могло случиться? – прошептала она, опускаясь рядом с гробом на колени. – Как мне жить без тебя?..

Она стояла на коленях на толстом ковре, положив руку на прохладное полированное дерево, и слезы текли по ее щекам. Лиз было невыносимо тяжело – намного тяжелее, чем она могла себе представить, чем она могла выдержать. Но теперь у нее не было другого выхода. Она должна была вынести все если не ради себя, то хотя бы ради их с Джеком детей.

Кто-то тронул ее за плечо. Это была Виктория, которая пришла за ней, и Лиз поняла, что стоит здесь уже довольно долго. Кивнув подруге, она с трудом поднялась на ноги и

вышла наружу, где ее дожидались остальные. Они собирались зайти куда-нибудь, чтобы перекусить. Лиз тоже поехала с ними, но есть ей не хотелось. С отрешенным спокойствием она наблюдала за тем, как Питер поддразнивал сестер, стараясь хоть немного развлечь, и даже выдавила из себя улыбку, когда дети в конце концов стряхнули с себя мрачное оцепенение и разговорились. И все же Лиз не могла не заметить, что за прошедшую ночь все пятеро – включая Джеми – как-то вдруг повзрослели. Во всяком случае, они старались держаться, старались быть сильными, чтобы не быть обузой для остальных.

После того как они съели по гамбургеру и запили его кока-колой, Кэрол отвезла детей домой, а взрослые родственники вернулись в траурный зал. Почти до самого вечера не иссякал поток желающих проститься с Джеком. Люди приходили, чтобы отдать ему последний долг, выразить свое сочувствие Лиз, просто поплакать и поговорить друг с другом за пределами траурного зала. Вся церемония неожиданно напомнила Лиз бесконечный прием – только без коктейлей, со слезами вместо смеха и с Джеком, лежащим в тяжелом гробу. Она все ждала, что вот сейчас крышка откинется в сторону, Джек поднимется и скажет, что все это была просто неудачная шутка, он и не думал умирать, но ничего не происходило, и постепенно Лиз утверждалась в мысли, что он ушел от нее навсегда.

Второй день в траурном зале был похож на предыдущий. К концу его Лиз отупела от усталости и была близка к истерике, однако внешне она казалась внимательной и настолько собранной, что многие даже подумали, будто она приняла какое-то сильнодействующее успокоительное лекарство. Но Лиз не стала принимать таблетки, хотя Виктория и рекомендовала ей какое-то проверенное средство. Словно автомат, она бездумно выполняла то, чего от нее ожидали, но мысли ее были очень далеко.

Утро понедельника выдалось на удивление погожим и солнечным. Как и накануне, Лиз встала ни свет ни заря и приехала в траурный зал задолго до назначенного часа, чтобы побыть с Джеком наедине. Она дала себе слово, что не станет открывать гроб, но сейчас ей очень хотелось сделать это, чтобы взглянуть на него в последний раз. Больше того: Лиз казалось, что она *должна* сделать это, но ей так и не хватило решимости позвать служителей и попросить снять крышку. Наверное, это было к лучшему, потому что образ Джека, лежащего в гробу, преследовал бы ее до конца жизни, а так она запомнила его живым, улыбающимся, любящим. И не имело значения, что в последний раз она видела его сначала на полу в офисе, а потом – на носилках в машине «Скорой помощи», потому что это были лишь короткие эпизоды, ступени на пути от жизни к смерти.

В конце концов Лиз тихо вышла из траурного зала и поехала домой. Когда она вошла, оказалось, что дети – вместе с обоими своими дядьями, дедушкой и двумя бабушками – собрались в гостиной и ждут ее. Хелен была в черном брючном костюме; девочки надели платья цвета морской волны с глухим воротом, Питер впервые облачился в темно-синий костюм, купленный ему Джеком на день рождения, а Джеми был в темно-серых фланелевых брюках и блейзере. Что касалось Лиз, то она еще утром решила надеть свое старое черное платье, которое Джек любил больше всего, и черный кардиган, который одолжила ей Джин.

– Я готова, – просто сказала Лиз. – Можно ехать.

Служба в церкви Сент-Хилари была очень красивой и трогательной. Кафедра и распятие были украшены живыми цветами, в позолоченных канделябрах горели свечи, играла тихая музыка, и священник читал заупокойные молитвы. Многие из присутствующих плакали, но Лиз сумела сохранить спокойствие до самого конца службы, которая, к счастью, оказалась короткой. Зато все последующее представлялось ей каким-то хаосом. В зале ресторана, который Джин и Кэрол сняли для того, чтобы приглашенные могли перекусить, собралось больше ста человек, не считая официантов. От шума и духоты у Лиз разболелась голова. Потом были похороны, от которых у нее не осталось вообще никаких воспоминаний, кроме ощущения непереносимой, ослепляющей боли. Лиз смутно помнила, как положила на гроб

красную розу и поцеловала блестящее темное дерево. Кто-то взял ее под руку и увлек в сторону; кажется, это был Питер, но Лиз почему-то чувствовала только узкую прохладную ладошку Джеми в своей руке. Затем ее куда-то везли, о чем-то спрашивали, и она, кажется, отвечала, но подробности поездки совершенно стерлись из ее памяти. Более или менее Лиз пришла в себя только дома, когда настала пора прощаться с родственниками. Брат Джека улетал обратно в Вашингтон, его родители возвращались в Чикаго, а брат Лиз уехал в Нью-Йорк еще раньше. Виктория тоже собиралась съездить домой. Она обещала, что завтра заедет к Лиз вместе с мальчиками. Джин предстояло заниматься делами, поэтому они с Лиз решили, что ей тоже лучше ночевать дома. Только Хелен оставалась на ночь; впрочем, билет на самолет был уже у нее в кармане, и завтра утром ей нужно было спешить в аэропорт. Лиз таким образом оставалась совершенно одна, и одной ей предстояло жить дальше.

Когда дети разошлись по спальням, Лиз и ее мать спустились в гостиную. Рождественская елка все еще стояла в углу, но разноцветные лампочки были погашены, а мишура и блестки странным образом потускнели и уже не выглядели атрибутами праздника. Даже хвоя, которая еще совсем недавно была ярко-зеленой и свежей, казалась какой-то поникшей.

– Я очень тебе сочувствую, – сказала Хелен, потрепав Лиз по руке. Десять лет назад она тоже потеряла мужа – отца Лиз, – но ему, во-первых, было семьдесят пять, а во-вторых, он скончался после долгой болезни. У Хелен было время смириться с неизбежным, да и дети их давно выросли. И все же она очень переживала, когда ее муж умер, однако ее боль не шла ни в какое сравнение с тем, что испытывала Лиз. И Хелен это понимала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.